

MICHAEL MOORCOCK

THE ETERNAL CHAMPION

St. Petersburg
Fantastika Book Club Publishers
2015

МАЙКЛ МУРКОК

ВЕЧНЫЙ ВОИТЕЛЬ

Санкт-Петербург
«Издательство Фантастика Книжный Клуб»
2015

УДК 82/89
ББК 84.4 Вл
М 91

Michael Moorcock
CHRONICLES OF EREKOSE:
THE ETERNAL CHAMPION; PHOENIX IN OBSIDIAN;
THE DRAGON IN THE SWORD

Copyright © 2013 Michael and Linda Moorcock
All rights reserved

Перевод с английского Юлии Зонис

Иллюстрация на обложке Макса Олина

Издательство благодарит за помощь
в подготовке издания Андрея Зильберштейна

ISBN 978-5-91878-131-9

© Ю. Зонис, перевод, 2015
© Н. Караев, перевод предисловия,
перевод стихов, 2015
© «Издательство Фантастика
Книжный Клуб», 2015

ПРЕДИСЛОВИЕ К СОБРАНИЮ СОЧИНЕНИЙ МАЙКЛА МУРКОКА

К 1964 году, проработав считанные месяцы редактором журнала «Новые миры» и издав несколько научно-фантастических и фэнтезийных романов, в том числе «Буреносец», я осознал, что исчерпал себя как писатель. У меня не было новых идей, кроме миниатюрных компьютеров, мультивселенной и черных дыр; все эти идеи я весьма топорно реализовал в романе «Изгнанные миры». Стало ясно, что надо возвращаться в журналистику, писать статьи в газеты и заниматься редактированием. «Моей карьере, — поведал я своему другу Дж.Г. Балларду, — пришел конец». Он посочувствовал и сказал, что у него тоже осталось совсем немного задуманных научно-фантастических историй, и те он, быть может, уже не напишет.

В январе 1965 года я жил на улице Колвилл-Террис в лондонском районе Ноттинг-Хилл — тогда это были трущобы, печально известные расовыми погромами. В нашей полудухне-полуванной я садился за пишущую машинку и сочинял книгу, действие которой происходило в том же районе; текст я намеревался сопровождать музыкой и рисунками. Роман назывался «Последняя программа», в нем действовал персонаж, похожий на юношу, которого я видел на нашей улице, и названный в честь местного бакалейщика, — Джерри Корнелиус, «мессия века науки». Джерри был в равной степени и персонажем, и писательским методом: не «шпион», как его называли некоторые критики, но городской искатель приключений, интересующийся и психической средой, и современным физическим миром. Я придумал Джерри под влиянием английских и французских абсурдистов, а также американского нуара. Меня вдохновлял Уильям Берроуз, с которым незадолго до того я стал переписываться. Позаимствовал я и пару идей из научной фантастики, решив тем не менее не сочинять свой роман в каком-либо устоявшемся жанре. Я ощутил тогда, что наконец-то обретаю собственный голос.

К тому моменту я под сильным впечатлением от Мервина Пика и сюрреалистов уже написал короткий роман «Золотая барка» о мире без привязок к странам и эпохам; опубликовать эту книгу я не спешил. Ранний автобиографический роман «Голодные мечтатели» о жизни в Сохо был сожран крысами в подвале дома на Лэдброк-Гроув. Меня не удовлетворяли ни мой стиль, ни мои писательские приемы. «Последняя программа» сочинялась девять дней (до 20 января 1965 года);

я не переставал печатать, когда мои маленькие дочери пили молоко из бутылочек и засыпали в своих колыбелях. Стоит добавить, что это моя версия событий; когда я излагал ее, моя тогдашняя жена поднимала меня на смех. Как бы то ни было, факт остается фактом: я считал, что могу сделаться серьезным писателем, только если закончу этот роман, невзирая на все его недочеты. Именно тогда появился на свет Джерри Корнелиус, вероятно, мой самый удачный длительный опыт в области нетрадиционной литературы, до сих пор остающийся полезным средством для сочинения непростых историй. Хотя главным образом Джерри ассоциируется с 1960-ми и 1970-ми годами, во всех последующих десятилетиях он чувствовал себя как дома. В романах и повестях о Корнелиусе я учился сопрягать различные нарративы и точки зрения в единую и кажущуюся очень легкой (но остающуюся прочной) структуру, которая обходится без множества прежних литературных приемов. В текстах о Джерри Корнелиусе я исходил из того, что роман — это в числе прочего внутренний диалог; поскольку я не считал нужным повторять общепринятые ныне модернистские условности, произведения о Корнелиусе можно считать постмодернистскими.

Не все мои книги были поисками новых форм для новой эпохи. Подобно многим «революционерам», я смотрел не только вперед, но и назад. Джордж Мередит, экспериментируя с нарративом, нашел вдохновение в XVIII веке, точно так же и я в поисках вдохновения и новых методов письма оглядывался на Мередита, на популярных эдвардианских реалистов Петта Риджа и Зангвилла, на писателей эпохи *fin de siècle*. Почти навязчивое увлечение фабианцами, многие из которых не видели ничего невозможного в благодушном империализме, в конце концов привело меня к книгам об Освальде Бастейбле, где я исследовал нашу вечную британскую идею империи, являющейся, по сути, орудием добра. Первой из этих книг стал роман «Повелитель воздуха».

Под влиянием эдвардианских юмористов и абсурдистов вроде Джерома и Фёрбенка я сочинил цикл романов и повестей «Танцоры на Краю Времени». Как и более традиционные жанровые вещи, например «Ледовая шхуна» и «Черный коридор», этот цикл создавался по большей части в 1960-е и 1970-е годы, в то же время, когда я писал книги о сверхъестественных приключениях Вечного Воителя, помогавшие мне и другим продолжать литературные эксперименты в «Новых мирах». Сочиняя романы, переполненные экшеном и фантастическими допущениями, я мог, кроме прочего, содержать семью. Я писал эти романы быстро, но без цинизма. Я всегда верил, пусть и на манер пуританина, что, раз читатель платит деньги, его нужно обеспечивать развлечениями. Мне нравилось сочинять приключенческие произведения, я старался избегать повторений и в каждой новой книге реализовывал еще несколько своих идей. Эти тексты постоянно учили меня тому, как выражать себя через образ и метафору. Мой Обыватель стал Вечным Воителем, его мечты и амбиции воплощала мультивселенная. Он мог быть обычным человеком, сражающимся со знакомыми проблемами в современных декорациях, или воином, который поражает чудовищ мечом в далеком мире.

Задолго до того, как была написана «Глориана» (в четырех частях по числу времен года), я научился мыслить образами и символами; читая «Путешествие Пилигрима» Буньяна, книги Мильтона и других, я рано понял, что визуальный уровень — это иногда самая важная часть книги, нередко становящаяся историей сама по себе, так же как, скажем, знаменитые исторические деятели благодаря

всему тому, что связано с их именами, могут функционировать как отдельный нарратив. Я искал способы рассказать как можно больше историй в одном тексте. У кино я научился использовать образы в качестве объединяющих тем. Образы, цвета, музыка, даже заголовки из популярных журналов способны добавить связности в сравнительно беспорядочную историю, укрепляя ее структуру и предлагая читателю ощутить внутреннюю логику и убедительность концовки, позволяя не прибегать к определенным и уже знакомым литературным условностям.

Когда истории стали того требовать, я сочинял неореалистическую литературу, изучавшую границу соприкосновения героя и среды, в частности городской, в частности Лондона. В одних книгах я сгущал, подтасовывал и разупорядочивал время, чтобы добиться того, что мне было нужно, в других есть ощущение «реального времени», которое все мы воспринимаем как более адекватное; описать его можно традиционными литературными средствами XIX века. Готовясь сочинять книги о Пьяте, я сначала обратился к великой немецкой классике, «Симплициссимусу» Гриммельсгаузена и прочим ранним плутовским романам. Затем я изучил корни определенного рода моралистической литературы, начиная с Дефо через Теккерей и Мередита к новому времени, когда роман о плуте (или мошеннике) мог принять форму, например, роуд-муви. Видимо, мне следует признать, что Пьят и роман «Византия сражается» ускорили распад моего второго брака (что в какой-то степени отражено в «Борделе на Розенштрассе»), но конец 1970-х и 1980-е годы были для меня веселым временем; мой любимейший роман того периода — это, наверное, «Лондон, любовь моя». Я хотел сочинить нечто праздничное.

В 1990-е я вновь попытался объединить разные виды литературы в один роман; итогом стала трилогия «Второй Эфир». Мандельброт, теория хаоса и теория струн словно предложили мне, как я говорил в то время, карту моего собственного мозга. Благодаря ей мне было куда легче развивать идею мультивселенной, представляющей как внутреннее, так и внешнее; мультивселенной как метафоры и средства структурировать и рационализировать чрезмерно фантастический и квазиреалистический нарратив. Миры в ней двигались вверх и вниз по уровням, или «плоскостям», объясняемым через массу, а значит, целые вселенные могли существовать в «одном и том же» пространстве. Результатом развития данной идеи стали главы романа «Война меж ангелов», где абсурдистские элементы выполняли функции мифологии и фольклора для мира, осознававшего себя в терминах новой метафизики и теоретической физики. По мере того как космос на наших глазах уплотняется и становится почти бесконечным, а черные дыры и темная материя воздействуют на нашу реальность, мы можем исследовать их и наблюдать за ними так же, как наши предки изучали нашу планету и наблюдали за небесами.

В конце 1990-х я вернулся к реализму, иногда с толикой фэнтези, и написал роман «Король города» и рассказы, вошедшие в сборник «Лондонская кость». Я также сочинил новый цикл об Элрике/Вечном Воителе, начатый книгой «Дочь снов». В этом цикле миры Хокмуна, Бастейбла и других сходились с моими реалистическими и автобиографическими историями (еще одна попытка увидеть все мной написанное как единое целое), связывая несопоставимые жанры — через идеи, берущие начало в мультивселенной и Вечном Воителе, — в один гигантский роман. Чуть позже я завершил цикл о Пьяте, попытку рассмотреть корни нацистского Холокоста в мировой культуре — европейской, ближневосточной и американской —

и обосновать мое странное чувство вины перед погибшими, одновременно изучив мои собственные культурные корни в свете непреходящего антисемитизма.

В 2000-е я изучал разные традиционные способы рассказывать истории в последних частях сборника «Метатемпоральный детектив», а также через трибьюты, комиксы, пародии и игры. Я стал оглядываться на тексты, повлиявшие на меня в начале моей карьеры. Достигнув пенсионного возраста, я решил отдохнуть. Вместе с Уолтером Симонсоном я сочинил «приквел» к циклу об Элрике — графический роман «Становление чародея» — и недолго побыл в шкуре онлайн-редактора сайта *Fantastic Metropolis*.

В 2010-е я написал роман о Докторе Кто «Приход террафилов» с поклоном П.Г. Вудхаузу (любимый писатель моего отрочества), продолжил сочинять рассказы и повести и начал работу над первым романом нового цикла «Шепчущий рой», объединяющего чистое фэнтези с традиционной автобиографией. Я по-прежнему пишу истории о Корнелиусе, пытаясь соединить в них всё разнообразие жанров и поджанров, на которые разбилась современная литература.

На протяжении моей карьеры критики то и дело заявляли, что я «оставляю» фэнтези и сосредоточиваюсь на мейнстриме. Истина, однако, в том, что всю свою жизнь с шестнадцати лет, когда я стал профессиональным писателем и редактором, я сочинял истории в том ключе, какого эти истории требовали, и, когда было необходимо, создавал новые формы, потому что старые для меня уже не работали. Некоторые идеи лучше всего укладываются в историю про Джерри Корнелиуса, что-то лучше писать как реализм, что-то — как фэнтези или как научную фантастику. Иногда лучшее — сочетание того и этого. Я уверен, что буду писать только то, что захочу, и продолжу эксперименты со всеми способами поведать историю и включить в текст как можно больше тем. О чем бы я ни сочинял: хоть о вдове, что старается совладать с одиночеством в своем коттедже, хоть о гигантском, размером со вселенную, разумном космическом корабле, ищущем своих детей, я буду пытаться рассказывать мои истории до самой смерти. Надеюсь, хоть некоторые из них придутся вам по вкусу.

В одном читатель моего нового собрания сочинений может не сомневаться: оно никогда не появилось бы без огромной и незаменимой помощи моего старого друга и библиографа Джона Дэйви. Джон ручается за то, что издания Gollancz — лучшие из имеющихся. Я благодарен Джону за многое, включая то, что он сделал для моего сайта *Moogcock's Miscellany*, однако его работа над этим изданием исключительна. Будучи вдобавок состоявшимся писателем, Джон — изумительно хороший редактор: в ходе работы с Gollancz и со мной он указал на все ошибки и недочеты предыдущих изданий (некоторые сохранялись с первой публикации), позволив мне внести исправления или переработать текст. Без Джона я бы этот проект не осилил. Думаю, все мы вместе, Gollancz, Джон Дэйви и я, породили лучшее из возможных изданий, и я очень благодарен Джону, а также Малькольму Эдвардсу, Дэррену Нэшу и Маркусу Гриппсу за их тяжкий труд, без которого данного собрания сочинений просто не было бы¹.

Майкл Муркок

---

¹ Данное собрание сочинений Майкла Муркока основано на текстах, подготовленных издательством Gollancz.

ВЕЧНЫЙ ВОИТЕЛЬ

*В память о Дугласе Фэрбенксе,
величайшем из всех героев*

ПРОЛОГ

Они призывали меня.

Вот и все, что я знаю.

Они призывали меня, и я отправился к ним. Я не мог поступить иначе. Воля всего человечества — могучая сила. Она разорвала оковы времени и пространства и увлекла меня в преисподнюю.

Почему был избран именно я? Это мне до сих пор неизвестно, хотя они полагают, что все объяснили. Но теперь все кончено, и я здесь. Я останусь здесь навсегда. И если, как говорили мне мудрецы, время движется по кругу, то однажды я вернусь в ту часть цикла, что известна мне как двадцатый век. Ведь (хоть на то и не было моей воли) я бессмертен.

Глава первая

ЗОВ СКВОЗЬ ВРЕМЯ

На границе бодрствования и сна большинству из нас мерещатся голоса, обрывки разговоров, фразы, звучащие непривычно. Иногда мы пытаемся настроиться и услышать больше, но это редко нам удается. Такие иллюзии называются «гипнагогическими галлюцинациями» — начальные фазы сновидений, которые явятся нам позже.

Там была женщина. Ребенок. Город. Какая-то работа. Имя: Джон Дейкер. Чувство разочарования. Желание проявить себя. Хотя я любил их. Я знаю, что любил.

Это случилось зимой. Я лежал, скорчившись в холодной постели и глядя сквозь оконное стекло на луну. Я не помню точно, о чем тогда думал. Без сомнения, о чем-то связанном со смертью и тщетой человеческого существования. А затем, на пороге между бодрствованием и сном, каждую ночь мне стали слышаться голоса...

Поначалу я пытался не обращать на них внимания, рассчитывая, что вот-вот засну. Но они не умолкали, и я начал прислушиваться, надеясь, быть может, получить некое послание от собственного подсознания. Но слово, повторявшееся чаще всего, не имело ни малейшего смысла:

Эрикёзе... Эрикёзе... Эрикёзе...

Я не узнавал этот язык, хотя он звучал до странности знакомо. Больше всего он походил на наречие индейцев сиу, но я знал из него всего несколько слов.

Эрикёзе... Эрикёзе... Эрикёзе...

С каждым разом я все усерднее пытался сосредоточиться на том, что говорили голоса, и постепенно гипнагогические галлюцинации становились все сильнее — пока наконец однажды ночью я не покинул собственное тело.

Провисел ли я целую вечность в лимбе? Был ли я жив — или мертв? Было ли это воспоминание о мире, оставшемся глубоко в прошлом — или ожидавшем меня в далеком будущем? О другом мире, надвигавшемся все ближе? И что

с именами? Был ли я Джоном Дейкером или Эрикёзе? Или, может, кем-то другим? Множество имен: Корум Джеялен Ирсеи, Обек, Ситон Бегг, Элрик, Ракхир, Илиана, Уна, Саймон, Бастейбл, Корнелиус, Роза, фон Бек, Асквиол, Хоукмун — текли в призрачных реках моей памяти. Я висел в темноте, лишенный тела. И тут послышался мужской голос. Чей? Откуда? Я попытался рассмотреть говорившего, но у меня не было глаз...

«Воитель Эрикёзе, где ты?»

И другой голос: «Отец... Это всего лишь легенда...»

«Нет, Иолинда. Я чувствую, что он слышит меня. Эрикёзе...»

Я хотел ответить, но у меня не было языка.

Затем, в полусне, мне привиделся дом в огромном городе, полном чудес, — в разбухшем, закопченном городе, кишевшем выкрашенными в тусклые цвета механизмами. Многие из них несли на себе пассажиров-людей. Там были прекрасные здания, сохранившие свою красоту даже под слоем пыли, и другие, почище, но уже не такие изящные, суровых очертаний и с множеством окон. Отовсюду слышались крики и грохот.

Я увидел отряд конников, скачущих по холмам. Ярко блестели золотые доспехи, а разноцветные вымпелы обвивались вокруг копий, испачканных кровью. Лица всадников посерели от усталости.

Затем передо мной промелькнули другие лица, целая череда лиц. Некоторые из них были мне смутно знакомы. Других я никогда не встречал. Одевания многих незнакомцев выглядели странно. Я увидел седовласого мужчину средних лет. На голове его была железная корона с бриллиантами, увенчанная высокими острыми зубцами. Его губы шевельнулись. Он заговорил...

— Эрикёзе. Это я — король Ригенос, Защитник Человечества.

Ты снова нужен нам, Эрикёзе. Псы Зла захватили власть над третьей мира, и война против них обескровила человечество. Приди к нам, Эрикёзе. Веди нас к победе. От равнин Тающего Льда до гор Печали водрузили они свои нечестивые знамена, и я опасаясь, что они намерены вторгнуться и дальше на наши земли.

Приди к нам, Эрикёзе. Веди нас к победе. Приди к нам, Эрикёзе. Веди нас...

Но тут вмешалась женщина:

— Отец, это лишь пустая гробница. От Эрикёзе не осталось даже мумии. Она давно рассыпалась в прах. Давай покинем это место и вернемся в Некраналь, чтобы призвать на битву живых!

Я чувствовал себя как человек, падающий в обморок и отчаянно борющийся с беспомощностью, но, несмотря на все усилия, неспособный контролировать собственный разум. Я снова попытался ответить, но не смог.

Меня словно несло назад сквозь время, хотя каждая частичка моего тела вращалась вперед. Я стал огромен, как статуя, изваянная из камня, — мои

гранитные веки простирались на километры и километры, и я никак не мог их поднять.

А затем я вдруг сделался крошечным — самой малой песчинкой во вселенной. Но так я ощущал свою причастность мирозданию куда больше, чем в виде каменного исполина.

Воспоминания приходили и уходили прочь.

Внезапно, словно поток воздуха, ворвавшийся в вакуум, в мой разум хлынули картины двадцатого столетия: его открытия и обманы, его красота и горечь, его достижения, заблуждения и непрекращающаяся борьба. Его суеверия, которые гордо именовались наукой.

Но все это промчалось передо мной за секунду, потому что в следующий миг меня забросило в совершенно другое место. Это была Земля, но не Земля Джона Дейкера. Чем-то она отличалась и от мира мертвого Эрикёзе...

Там раскинулись три гигантских материка: два поблизости друг от друга, а от третьего их отделял необъятный океан с множеством островов, больших и малых.

Я увидел море льда, и откуда-то мне было известно, что границы его постепенно сужаются. Равнины Тающего Льда.

Я увидел третий материк, с пышной растительностью, могучими лесами и голубыми озерами. С севера его окружала цепь неприступных пиков — горы Печали. Это были владения элдренов, которых король Ригенос назвал Псами Зла.

Обратившись к двум другим материкам, я увидел пшеничные поля на западе Завары, ее высокие, богатые города из многоцветного камня: Сталако, Калодемию, Мурос, Нинадун и Дратарду.

Там же располагались величайшие морские порты: Шилааль, Ведма, Синана, Таркар — и Нунос, с его башнями, инкрустированными самоцветами.

Затем передо мной предстали города-крепости материка Некралалы. Величайшим из них была столица, Некраналь, раскинувшаяся на отрогах огромной горы, уходящая в ее каменные дебри и увенчанная просторным дворцом королев-воителей.

Теперь я начал вспоминать, как услышал в глубине сознания голос, призывавший: «Эрикёзе, Эрикёзе, Эрикёзе...»

Короли-воители Некраналы, что две тысячи лет правили объединенным человечеством и сохранили власть во время войны и нового союза. Короли-воители, чьим последним преемником был Ригенос. Теперь он состарился, и род его могла продолжить лишь единственная дочь, Иолинда. Он одряхлел и устал от ненависти, но по-прежнему ненавидел. Ненавидел нелюдей, которых называл Псами Зла, вековых врагов человеческого рода, необузданных и диких. И, по преданию, связанных отдаленными узами крови с расой людей, как результат брачного союза между королевой древности и Воплощенным

Злом, Азмбааной. Король Ригенос ненавидел их, покорных марионеток Азмбааны, за то, что они бессмертны и лишены души.

И в своей ненависти король обратился к Джону Дейкеру, которого называл Эрикёзе, дабы тот помог ему в войне против нелюдей.

— Эрикёзе, прошу, ответь мне. Готов ли ты прийти?

Его голос звучал подобно раскатам грома. Когда, собравшись с силами, я ответил ему, мои слова тоже пророкотали отдаленным эхом.

— Я готов, но, похоже, скован.

— «Скован»? — испуганно повторил он. — Неужели тебя захватили гнусные приспешники Азмбааны? Ты заточен в одном из Призрачных Миров?

— Возможно, — ответил я. — Но, по-моему, нет. Меня сковывают время и пространство. Нас с тобой разделяет бездна, не имеющая ни формы, ни конца, ни начала.

— Как же перекинуть мост через эту бездну и привести тебя к нам?

— Объединенная воля человечества поможет вам достичь цели.

— Но мы уже молимся о твоём приходе.

— Тогда продолжайте.

И снова я падал. Мне вспомнились смех, печаль, торжество. Внезапно явилось множество лиц, как будто передо мной прошагали все, кого я знал в жизни, — а затем всё заслонило лицо, голова и плечи невероятной красоты женщины. В светлых волосах сверкала диадема из драгоценных камней, как будто освещавшая прелестные черты. Я выдохнул:

— Иолинда.

Теперь я видел ее отчетливей. Иолинда держала за руку высокого изможденного мужчину в железной короне с бриллиантами — короля Ригеноса.

Они стояли перед плоским монолитом, вырезанным из кварца и отделанным золотом. Там не было ничего, лишь прямой меч, лежавший на подушке из праха, — меч, до которого король с принцессой не смели дотронуться. Они даже не решались подойти ближе, потому что меч излучал силу, способную их убить.

Они стояли в гробнице.

В гробнице Эрикёзе. В моей гробнице.

Придвинувшись к возвышению, я завис над ним.

Много веков назад сюда поместили мое тело. Я перевел взгляд на меч. Это оружие было для меня безопасно, но в своем заточении я не мог взяться за него. Ведь здесь, в темноте, витал лишь мой дух — однако уже весь, целиком, а не единственная частица, тысячи лет заключенная в этом склепе. Именно эта малая часть услышала короля Ригеноса и позволила Джону Дейкеру откликнуться, прийти и воссоединиться с ней.

— Эрикёзе! — воззвал король, вглядываясь во мрак, словно способен был увидеть меня. — Эрикёзе! Мы молим тебя!

Тут я почувствовал ужасную боль, возможно, сродни той, что чувствует роженица, — боль, растянувшуюся, казалось, на целую вечность и в то же время несущую зерно собственного конца. Я вопил и корчился в воздухе над ними. Меня терзали муки агонии — однако в этой агонии была цель, и целью было рождение новой жизни.

Я вскрикнул. Но в моем крике звучала радость.

Я застонал. Но в моем стоне слышалось торжество.

Я ощутил, что обретаю вес, и перевернулся в воздухе. Я становился все тяжелее и тяжелее и, задыхаясь, вытянул руки, чтобы сохранить равновесие.

У меня появилась плоть, появились мышцы, кровь и сила. Невероятная мощь переполняла меня. Я глубоко вздохнул и ощупал свое тело. Это было могучее тело, высокое и мускулистое.

Я поднял голову. Теперь я стоял перед ними во плоти. Я был их божеством, и я вернулся.

— Я пришел. Я здесь, король Ригенос. Я не оставил позади ничего значимого, но смотри, как бы мне не пришлось пожалеть о том, что я покинул тот мир.

— Ты не пожалеешь, Воитель.

Король был бледен, воодушевлен, на лице его играла улыбка. Я обернулся к Иолинде. Поначалу она скромно опустила глаза, но потом, словно против воли, вновь подняла, чтобы взглянуть на меня. Я развернулся направо, к помосту.

— Мой меч, — сказал я, протянув к нему руку.

Король Ригенос облегченно вздохнул.

— Теперь эти Псы обречены, — провозгласил он.

Глава вторая

«ВОИТЕЛЬ ПРИШЕЛ!»

У них были ножны для меча, изготовленные за много дней до моего прихода. Король Ригенос отправился принести их, оставив меня наедине со своей дочерью.

Очутившись здесь, я больше не задавался вопросами, как это произошло и как такое вообще возможно. Иолинде, видимо, они тоже не приходили в голову. Я явился, потому что это было неизбежно.

Мы молча разглядывали друг друга, пока король не вернулся.

«Это защитит нас от отравы твоего меча», — объяснил он.

Король протянул мне ножны. Поколебавшись мгновение, я принял его дар. Ригенос, нахмурившись, опустил взгляд и скрестил руки на груди.

Я держал ножны перед собой. Матовые, словно старое стекло, они были откованы из незнакомого мне металла. Или, скорей, из металла, незнакомого Джону Дейкеру: легкого, прочного и гибкого.

Развернувшись, я взялся за меч. Его рукоять, обвитая золотой резьбой, задрожала от моего прикосновения. Круглое навершие было выточено из темно-красного оникса, а на гарде чередовались полоски серебра и черного оникса. Клинок, длинный, прямой и остро заточенный, не блестел, как сталь. Скорее, по цвету он походил на свинец. Меч был отлично сбалансирован. Я рассек им воздух и громко рассмеялся — и меч, казалось, рассмеялся со мной.

— Эрикёзе! Вложи его в ножны! — испуганно выкрикнул король Ригенос. — Вложи в ножны! Его излучение смертельно для всех, кроме тебя.

Но мне не хотелось убирать меч. Прикосновение к нему будило смутные воспоминания.

— Эрикёзе! Пожалуйста! Прошу тебя, — вслед за отцом взмолилась Йолинда, — вложи клинок в ножны.

Я неохотно выполнил ее просьбу. Почему один лишь я мог владеть этим мечом, не боясь его излучения?

Может, потому что, перейдя в другую эпоху, я изменился физически? Или, может, потому что организмы древнего Эрикёзе и еще не рожденного Джона Дейкера (или наоборот?) научились как-то справляться с той силой, что исходила от меча?

Я пожал плечами. Не важно. Я принял это как данность, не задумываясь, — словно понял, что отныне не властен над собственной судьбой. Я превратился в покорное орудие.

Если бы я знал тогда, для чего используют это орудие, то мог бы воспротивиться воле рока и остаться безобидным интеллектуалом Джоном Дейкером. Но, возможно, борьба не увенчалась бы успехом. Сила, перенесшая меня в эту эпоху, казалась слишком могучей.

В любом случае в тот миг я готов был полностью подчиниться Судьбе. Я стоял там, где обрел плоть, в гробнице Эрикёзе, и наслаждался ощущением собственной мощи и властью над мечом.

Время перемен еще не пришло.

— Мне нужна одежда, — сказал я, потому что был совершенно гол. — И доسخи. И конь. Я — Эрикёзе.

— Мы приготовили для тебя одежду, — ответил король Ригенос и хлопнул в ладоши. — Сюда.

В гробницу вошли рабы. Один нес рубаху, второй — плащ, а в руках третьего был кусок белой ткани, очевидно, заменявший здесь исподнее. Они обернули материю вокруг моих бедер и натянули рубаху через голову. Одевание оказалось широким, и прикосновение ткани приятно холодило кожу. По темно-синему фону тянулись замысловатые узоры, вышитые золотыми, серебряными и алыми нитями. Плащ был алым с золотой, серебряной и синей вышивкой. Рабы протянули мне мягкие сапоги из оленьей кожи и широкий светло-коричневый пояс с железной пряжкой, отделанной сапфирами и рубинами. На него я повесил ножны.

— Я готов, — сказал я, сомкнув пальцы левой руки на рукояти меча.

Иолинда, вздрогнув, пробормотала:

— Так покинем же это мрачное место.

Бросив последний взгляд на возвышение, где все еще лежала горка праха, я вышел вслед за королем и принцессой Некраналя из собственного склепа в ясный погожий день. Снаружи было тепло, хотя и поддувал ветерок. Мы стояли на вершине невысокого холма. Позади нас угрюмо темнела гробница, построенная, видимо, из черного кварца: древняя, обветшавшая, исхлестанная за долгие годы ливнями и штормовыми ветрами. На ее крыше возвышалась изъеденная временем статуя воина, восседавшего на огромном боевом жеребце. Дождь и пыль стесали черты лица воителя, но я узнал его. Это было мое собственное лицо.

Я отвернулся.

У подножия холма нас ждал караван: лошади в богатой сбруе и стражники в тех же золоченых доспехах, что я видел во сне. Вид у солдат, однако, был посвежее. Их броню украшали красочные гравировки, но мои небогатые познания в оружии в сочетании с пробуждающейся памятью Эрикёзе подсказывали, что для войны такие доспехи совершенно не подходят. Наконечник копья или меча легко зацепился бы за рельефные узоры, тогда как с настоящей брони клинок должен соскальзывать. При всей своей пышности эти доспехи скорей подвергали хозяев дополнительному риску, чем защищали.

Стражники сидели на крупных боевых конях, но животные, стоявшие на коленях и смиренно ожидавшие нас, больше напоминали верблюдов — правда, начисто лишенных верблюжьей неказистости. Эти создания были прекрасны. На их высоких спинах виднелись носилки из черного дерева, слоновой кости и перламутра, задернутые переливчатыми шелковыми занавесками.

Мы начали спускаться с холма. На ходу я обратил внимание, что на моем пальце все еще оставалось кольцо, которое я носил в бытность Джоном Дейкером, — кольцо из витого серебра, подаренное мне женой. Моя жена... Я не смог вспомнить ее лица. Мне подумалось, что кольцо должно было остаться позади вместе с прежним телом. Но, возможно, никакого тела уже не существовало.

Мы подошли к коленопреклоненным животным. Стражники выпрямились при нашем появлении. Многие поглядывали на меня с любопытством.

Король Ригенос указал на одного из верблюдов:

— Не изволите ли сесть в ваш паланкин, Воитель?

Хотя король сам вызвал меня, казалось, я его слегка пугаю.

— Благодарю.

Поднявшись по плетеной шелковой лестнице, я нырнул в паланкин, устланный изнутри мягкими разноцветными подушками.

Верблюды поднялись на ноги, и мы быстро двинулись по узкой долине, заросшей с двух сторон вечнозелеными деревьями неизвестной мне породы. Они немного напоминали араукарии, но листья были шире, а ветки гуще.

Положив меч на колени, я внимательно его осмотрел. Это оказался простой боевой клинок, безо всяких меток. Рукоять идеально легла в мою правую руку.

Хороший меч — но почему он был смертелен для других, я понятия не имел. Оставалось надеяться, что он так же опасен для тех, кого король Ригенос звал Псами Зла: для элдренов.

Путешествие сморило меня. Веки смежила непонятная усталость, и я задремал. Проснувшись от крика, я раздвинул занавески и выглянул на дорогу.

Передо мной предстал Некраналь, город, который привиделся мне во сне.

Все еще далекий, он был так велик, что вся гора скрывалась под его чудесными зданиями. Минареты, шпили, купола и бастионы сверкали на солнце, а над ними возвышался огромный дворец королей-воителей — гордый многобашенный Дворец Десяти Тысяч Окон. Сейчас я вспомнил его название.

Король Ригенос тоже высунулся из своего паланкина и крикнул:

— Каторн! Скачи вперед и скажи людям, что Воитель Эрикёзе вернулся и готов загнать воплощения зла обратно в горы Печали.

Угрюмый человек, к которому обращался король, был, без сомнения, капитаном Имперской гвардии.

— Слушаюсь, повелитель! — прорычал он.

Воин вывел своего коня вперед из строя и помчался галопом по покрытой белой пылью дороге, вившейся вниз по склону. Она тянулась многие мили до самого Некраналья. Некоторое время я смотрел вслед всаднику, но в конце концов это мне надоело, и, сощуриив глаза, я принялся разглядывать городские постройки.

Лондон, Нью-Йорк и Токио, вероятно, были больше, но незначительно. Некраналь раскинулся на многие мили у подножия горы. Город окружала высокая стена со сторожевыми башнями.

Наконец мы добрались до гигантских центральных ворот, и наш караван остановился.

Прозвучала короткая трель, и ворота начали открываться. Мы двинулись по улицам, переполненным ликующими, воющими толпами. Они голосили так громко, что временами мне приходилось зажимать уши — я боялся, что лопнут барабанные перепонки.

Глава третья

ЭЛДРЕНСКАЯ УГРОЗА

По мере того как наша небольшая кавалькада поднималась к Дворцу Десяти Тысяч Окон, приветственный шум толпы утихал вдали. Вскоре слышались только поскрипывание моего паланкина, звон упряжи и стук лошадиных копыт. В атмосфере города я почувствовал что-то странное, невыразимое простыми словами. Несомненно, люди страшились вражеского на-

падения; несомненно, они устали от этой войны. Но мне почудилось нечто нездоровое: смесь истерического воодушевления и безнадежной тоски, с которой мне пришлось столкнуться лишь однажды в прошлой жизни, при посещении сумасшедшего дома.

А возможно, я просто переносил свое настроение на окружающее. В конце концов, я испытывал сейчас классические симптомы параноидальной шизофрении! Человек с раздвоением личности, которого вдобавок в этом мире принимают как спасителя! На миг мне даже подумалось, что я и в самом деле окончательно спятил, стал жертвой чудовищных галлюцинаций и что в эту самую секунду я сижу в психлечебнице, которую когда-то навещал.

Я потрогал занавески и ножны меча, оглядел огромный город, раскинувшийся внизу, и громаду дворца, нависшую надо мной. Я попытался посмотреть сквозь него, сознательно убеждая себя, что все это лишь наваждения, и ожидая увидеть стены больничной палаты или даже знакомые стены своей квартиры. Но Дворец Десяти Тысяч Окон никуда не делся. Да и город Некраналь мало походил на мираж. Я опустился обратно на подушки. Придется исходить из того, что все это реально, что я каким-то образом перенесся через пространство и время и угодил на эту Землю, о которой нет записей ни в одной из прочитанных мной исторических книг (хоть прочел я их немало), а смутные отголоски сохранились лишь в мифах и легендах.

Я больше не был Джоном Дейкером. Теперь я стал Эрикёзе — Вечным Воителем.

Живой легендой.

И тут меня разобрал смех. Если я все-таки спятил, это было великолепное безумие. Никогда бы не подумал, что способен на такое!

Когда наконец наш караван достиг вершины горы, перед нами распахнулись отделанные драгоценными камнями ворота дворца. Мы проехали в чудесный внутренний двор. Там росли деревья и играли фонтаны, питавшие небольшие ручьи, через которые были переброшены декоративные мостики. В воде плавали рыбки, а на ветвях деревьев пели птицы. Нам навстречу бросились слуги, заставившие верблюдов опуститься на колени. Мы вышли из паланкинов во двор, освещенный закатными лучами.

Король Ригенос с гордой улыбкой обвел рукой постройки.

— Вам нравится здесь, Эрикёзе? Я сам все это выстроил вскоре после вступления на престол. До тех пор этот двор был довольно мрачным местом и не соответствовал остальной части дворца.

— Здесь прекрасно, — ответил я и обернулся, чтобы взглянуть на присоединившуюся к нам Иолинду. — Но великолепие, которое вы сотворили, этим не ограничивается: вот самое дивное украшение дворца.

Король Ригенос хмыкнул.

— Я вижу, вы не только свирепый воин, но и любезный кавалер.

Взяв Иолинду за руку, он повел нас через двор.

— Конечно, в эти тревожные времена у меня осталось мало времени на создание прекрасного. Сейчас мы должны ковать оружие. Вместо планов разбивки садов я обязан посвятить себя планам сражений, — вздохнув, продолжил король. — Быть может, вам удастся навсегда прогнать элдренов, Эрикёзе. Быть может, после их уничтожения мы снова будем наслаждаться мирными радостями жизни.

На какую-то секунду я пожалел его. Король хотел лишь того, к чему стремится каждый человек: жить без страха, воспитывать детей в уверенности, что и им не придется бояться, и смотреть в будущее, не опасаясь, что все его планы в единый миг может разрушить чья-то злая воля. В конечном счете, его мир не так уж отличался от того, который я покинул недавно.

Я положил руку королю на плечо.

— Будем надеяться, король Ригенос. Я сделаю все, что смогу.

Он прокашлялся.

— А это немало, Воитель. Я знаю, на что вы способны. Скоро мы избавимся от элдренской напасти!

Мы вступили в прохладный холл со стенами, покрытыми чеканным серебром и увешанными гобеленами. Здесь было приятно, хотя размеры зала и поражали воображение. В холл вела широкая лестница, и сейчас вниз по ней сплошным потоком текли рабы, слуги и придворные всех мастей. У подножия они выстроились в несколько рядов и преклонили колени, приветствуя короля.

— Это лорд Эрикёзе, — сказал им Ригенос. — Он великий воитель и мой почетный гость. Служите ему, как служите мне, и подчиняйтесь, как подчиняетесь мне. Выполняйте все его пожелания.

К моему смущению, вся толпа снова рухнула на колени и прокричала хором:

— Приветствуем, лорд Эрикёзе.

Я раскинул руки. Они встали. Постепенно я начал принимать такие почести как нечто самой собой разумеющееся. Без сомнения, какая-то часть меня привыкла к подобному.

— Не хочу обременять вас сегодня лишними церемониями, — обратился ко мне Ригенос. — Освежитесь в выделенных вам покоях, а мы навестим вас позже.

— Отлично, — ответил я.

Развернувшись к Иолинде, я протянул ей руку. После секундного колебания девушка вложила свою ладонь в мою, и я поцеловал ее нежные пальцы.

— С нетерпением жду следующей встречи с вами и вашим отцом, — тихо сказал я, глядя в ее изумительные глаза.

Иолинда потупилась и убрала руку. Я позволил слугам сопроводить меня наверх, в мои покои.

Мне отвели двадцать просторных комнат, в том числе предназначенных для десяти личных рабов и прислужников. Большая часть помещений была обставлена богато и вычурно, с роскошью, о которой забыли люди двадцатого века. «Пышно» — вот слово, пришедшее мне на ум. Я и шагу не мог ступить, чтобы какой-нибудь раб не подскочил снять с меня накидку, налить стакан

воды или взбить диванные подушки. Но почему-то тревога не отпускала меня, и я испытал немалое облегчение, обнаружив более спартанские помещения. Они явно предназначались для воина — без подушек, шелков и мехов, с жесткими скамьями, развешанным по стенам оружием: мечами, железными и стальными булавами, окованными медью копьями и острыми стрелами.

Я провел какое-то время в оружейных, а затем вернулся, чтобы поужинать. Рабы принесли мне кушанья и вино, и я поел и выпил с аппетитом.

По окончании трапезы я почувствовал себя отдохнувшим, словно проснулся после долгого сна. Снова обошел комнаты, обращая больше внимания на оружие, чем на пышную обстановку, которая привела бы в восторг самого избалованного сибарита. Затем, выйдя на один из балконов, я принялся осматривать великий город Некраналь. Солнце уже садилось, и по улицам побежали черные тени.

Небо на горизонте полыхало пожаром. Там чередовались багровые, оранжевые, желтые и синие полосы. Этот заревой свет блестел на куполах и шпилях Некраналья, отчего очертания города казались мягче, словно нарисованные пастелью.

Тени становились все глубже. Солнце село, окрасив багрянцем самые высокие купола. Наступила ночь, и внезапно вдоль стен Некраналья вспыхнули огни. Через каждые несколько метров рвались вверх желтые и красные языки пламени, освещая большую часть города внутри крепостной стены. В окнах загорелся свет, и я услышал крики ночных птиц и стрекот насекомых. Развернувшись к своим покоям, я обнаружил, что слуги зажгли для меня лампы. Стало прохладней, но, поколебавшись, я решил задержаться на балконе, чтобы хорошенько обдумать странную ситуацию, в которую угодил, и опасности, угрожавшие человечеству.

За моей спиной послышался какой-то звук. Обернувшись, я увидел, что в комнату входит король Ригенос. Его сопровождал мрачный Каторн, капитан Имперской гвардии. Вместо шлема у него на голове теперь был платиновый обруч, а кирасу капитан сменил на куртку с золотым тиснением — однако и без доспеха он оставался все тем же угрюмцем. Король Ригенос облачился в белую меховую мантию, но голову его по-прежнему венчала железная корона с бриллиантами. Двое мужчин присоединились ко мне на балконе.

— Надеюсь, вы отдохнули, Эрикёзе? — со странной нервозностью поинтересовался Ригенос.

Казалось, он опасался, что за время его отсутствия я растворюсь в воздухе.

— Я отлично себя чувствую, спасибо, король.

— Хорошо.

Тут он замялся.

— Время не терпит, — проворчал капитан.

— Да, Каторн. Да, я знаю.

Ригенос взглянул на меня так, словно надеялся, что мне уже известен предмет нашей беседы. Но я лишь молча смотрел в ответ, ожидая, когда он заговорит.

— Простите нас, Эрикёзе, — начал Каторн, — но мы сразу перейдем к делам Королевств Людей. Король обрисует вам наше положение и объяснит, чего мы от вас хотим.

— Конечно, — ответил я. — Я готов.

Мне и в самом деле не терпелось узнать, что тут творится.

— У нас есть карты, — сказал Ригенос. — Где карты, Каторн?

— В комнате, мой господин.

— Не угодно ли вам...

Я кивнул, и мы вернулись внутрь. Миновав две комнаты, мы вошли в парадную гостиную, посреди которой стоял большой дубовый стол. Рядом застыли несколько рабов Ригеноса с толстыми свитками пергамента под мышками. Каторн выбрал несколько свитков и расстелил их на столе друг поверх друга. Один конец он прижал своим тяжелым кинжалом, а второй — металлической вазой, украшенной рубинами и изумрудами.

Я с интересом взглянул на карты. Они уже были мне знакомы. Что-то похожее я видел во сне, прежде чем король Ригенос призвал меня сюда с помощью своих заклинаний.

Сейчас король склонился над картами и провел по ним длинным и бледным указательным пальцем.

— Как я уже говорил вам в вашей... в вашей гробнице, Эрикёзе, элдрены захватили весь южный континент. Они назвали его Мернадином. Вот...

Тут его палец застыл над береговой зоной материка.

— Пять лет назад они отбили у нас единственный аванпост, оставшийся на Мернадине. Вот тут. Их древний морской порт, Пафанааль. Он достался им почти без борьбы.

— Ваши войска бежали? — спросил я.

Вновь вмешался Каторн.

— Признаю, что мы просто утратили бдительность. Когда они ударили по нам с гор Печали, мы оказались не готовы. Должно быть, они много лет собирали там свои треклятые армии, а мы и знать не знали. Да и откуда нам знать об их планах — им помогает колдовство, которым мы не владеем!

— Вам удалось вывезти бóльшую часть жителей тамошних поселений, как я понимаю? — предположил я.

Каторн пожал плечами.

— Вывозить было почти некого. Мернадин так и остался практически незаселенным, потому что люди отказывались жить в землях, оскверненных Псами Зла. Этот континент проклят. Там обитают лишь демоны преисподней.

Я поскреб подбородок и невинно поинтересовался:

— Так зачем же вообще понадобилось загонять элдренов в горы, если эти территории не были вам нужны?

— Потому что, владея этой землей, они постоянно угрожали человечеству!

— Понятно, — сказал я, легонько махнув правой рукой. — Простите за то, что прервал вас. Пожалуйста, продолжайте.

— Постоянная угроза... — начал Каторн.

— Угроза, вновь нависшая над нами, — хриплым дрожащим голосом перебил его король.

Внезапно в его глазах блеснули страх и ненависть.

— Они в любой момент могут напасть на два материка — на Завару и Некралалу!

— Вам известно, когда они собираются начать вторжение? — спросил я. — Сколько у нас осталось времени на подготовку?

— Они нападут!

Тусклые глаза Каторна яростно вспыхнули. Жидкая бороденка, обрамлявшая его бледное лицо, как будто оцетинилась.

— Они нападут, — согласился король Ригенос. — Псы Зла уже одолели бы нас, если бы мы не вели непрерывный бой против них.

— Нам приходится постоянно отбрасывать их назад, — добавил Каторн. — Стоит им пробить нашу оборону, и мы обречены.

Король Ригенос вздохнул.

— Но человечество устало от этой войны. Нам нужно одно из двух: либо свежие бойцы, чтобы отбить атаки элдренов, либо вождь, способный вдохнуть в наших воинов новую надежду. А в идеале и то и другое.

— Мы сможем обучить свежих бойцов? — спросил я.

Из горла Каторна вырвался короткий гортанный звук. Я посчитал это смехом.

— Невозможно! Все человечество и так уже сражается с элдренской напастью!

Король кивнул.

— Поэтому я и призвал вас, Эрикёзе, — хотя в глубине души и считал себя отчаявшимся глупцом, мечтавшим о чуде.

При этих словах Каторн отвернулся. Похоже, он втайне полагал, что король от безысходности спятил. Моя материализация опровергла его теорию, и, кажется, капитан за это меня невзлюбил — хотя я ни в коей мере не мог отвечать за решение, принятое королем.

Ригенос выпрямился и расправил плечи.

— Я призвал вас и требую, чтобы вы исполнили свою клятву.

Я понятия не имел ни о какой клятве, так что заявление правителя меня удивило.

— Что за клятва? — спросил я.

Теперь настала очередь короля удивляться.

— Но как же? Ведь вы обещали, что, если элдрены вновь завладеют Мернадином, вы вернетесь и решите исход битвы между человечеством и Псами Зла.

— Понятно.

Я знаком приказал рабу принести мне чашу вина и, отхлебнув, уставился на карту. Для Джона Дейкера это был бессмысленный конфликт между двумя

озлобленными, движимыми слепой ненавистью сторонами. Обе они, похоже, вели войну за истребление чужого народа, настоящий джихад. Но в выборе стороны я не колебался. Я принадлежал к расе людей и не видел для себя иного пути, кроме как всеми силами защищать своих сородичей. Человечество нужно было спасти.

— А элдрены? — спросил я, поднимая взгляд на короля Ригеноса. — Что говорят они?

— О чем вы? — прорычал Каторн. — *«Говорят»?* Звучит так, словно вы не доверяете нашему королю.

— Я не сомневаюсь в том, что вы сказали мне правду, — пояснил я. — Но мне хочется знать, как именно элдрены оправдывают войну против вас. Полезно понять, чего они добиваются.

Каторн пожал плечами.

— Они добиваются нашего уничтожения, — заявил он. — Разве этого недостаточно?

— Нет, — возразил я. — Вы наверняка брали в плен их воинов. Так что же они говорят?

Раскинув руки, я повторил вопрос:

— Как вожди элдренов объясняют свою войну против человечества?

Король Ригенос снисходительно улыбнулся.

— Вы многое забыли, Эрикёзе, если не помните, кто такие элдрены. Они не люди. Они умны. Они хладнокровны и способны вкрадчивыми, обманными речами внушить человеку ложное чувство безопасности, а затем вырвать клыками сердце у него из груди. Хотя в смелости, признаю, им не откажешь. Они умирают под пытками, но отказываются выдать нам свои истинные планы. Они хитры. Они хотят, чтобы мы поверили в их болтовню о мире, о доверии и взаимопомощи, потому что надеются усыпить наше внимание и внезапно напасть или заставить нас взглянуть им в лицо и напустить на нас порчу. Не будьте наивным, Эрикёзе. Не пытайтесь вести переговоры с элдренами, как с людьми, иначе ваша участь решена. У них нет душ — в нашем понимании души. Они не знают любви, не считая холодной преданности своему делу и своему повелителю Азмбаане. Поймите, Эрикёзе: элдрены — демоны. Они отродья зла, которым Азмбаана, свершив чудовищное надругательство, придал подобие человеческой формы. Но пусть их обличье вас не обманывает! Внутри элдрены не люди — по сути, они воплощают собой все нечеловеческое.

Каторн скривился.

— Нельзя доверять элдренским волкам. Они двуличны, безнравственны и привержены злу. Нам не жить в безопасности, пока мы не сотрем с лица земли все их племя. Их надо полностью уничтожить — так, чтобы ни ошметка плоти, ни капли крови, ни обломка кости, ни волоска не осталось и не оскверняло Землю. И я говорю в самом прямом смысле, Эрикёзе, потому что, если от элдренов уцелеет хоть огрызок ногтя, Азмбаана сможет воссоздать своих слуг и снова напасть на нас. Эти демонские отродья надо обратить в пепел,

всех их: мужчин, женщин и детей. Сжечь и развеять по ветру. Вот наша задача, Эрикёзе, задача всего человечества. И с нами благословение Всеблагого!

Но тут я услышал другой, нежный голос и обернулся к двери. Там стояла Иолинда.

— Вы должны вести нас к победе, Эрикёзе, — прямо сказала она. — То, что говорит Каторн, правда, несмотря на всю его ярость. Именно так и обстоят дела. Вы должны вести нас к победе.

Я снова заглянул ей в глаза. И глубоко вздохнул, чувствуя, как холодеет и каменеет лицо.

— Я поведу вас к победе.

Глава четвертая

ИОЛИНДА

На следующее утро меня разбудили рабы, готовившие завтрак. Или не рабы? Может, это моя жена ходила по комнате, собираясь разбудить нашего маленького сына, как она делала каждое утро?

Я открыл глаза, ожидая увидеть ее.

Но не увидел. Не увидел я и той квартиры, в которой жил, будучи Джоном Дейкером.

Впрочем, и рабов я не увидел.

Вместо них мне сверху вниз улыбнулась Иолинда. Оказывается, она собственными руками накрывала для меня стол.

На миг я ощутил укол вины, словно каким-то образом предавал жену. Но затем понял, что стыдиться мне нечего. Я стал жертвой Судьбы — или сил, которых мне никогда не постичь. И я был уже не Джоном Дейкером, а Эрикёзе. Я осознал, что лучше как можно скорей смириться с этим. Раздвоение личности — это болезнь. И я решил, что постараюсь забыть Джона Дейкера. Раз я стал Эрикёзе, значит, надо сосредоточиться на его жизни. Тут я был фаталистом.

Иолинда пододвинула ко мне корзину с фруктами.

— Не хотите ли перекусить, лорд Эрикёзе?

Я выбрал незнакомый мягкий плод с красновато-желтой кожурой. Принцесса протянула мне маленький ножик. Я попытался очистить фрукт, но не знал, как к нему подступиться. Иолинда мягко забрала у меня нож и, усевшись на край низкой кровати, сама занялась плодом. При этом, по-моему, она слишком старательно смотрела только на свою работу.

Наконец фрукт был очищен от кожуры и разрезан на четыре части. Принцесса положила его на блюдо и протянула мне, все еще избегая моего взгляда, — однако на ее губах играла загадочная улыбка. Я взял дольку и откусил. Плод оказался одновременно сладким и терпким и отлично освежал.

— Спасибо, — сказал я. — Очень вкусно. Раньше я такого никогда не пробовал.

— Неужели? — искренне изумилась она. — Но ведь *экрекс* — самый распространенный фрукт в Некралале.

— Вы забыли, что в Некралале я чужой, — заметил я.

Принцесса, наклонив голову к плечу и слегка нахмурившись, устремила взгляд на меня. Затем, откинув легкую голубую ткань, покрывавшую ее золотые волосы, она с преувеличенной тщательностью расправила платье. Похоже, я действительно поставил ее в тупик.

— Чужой... — пробормотала она.

— Чужой, — подтвердил я.

— Но, — тут она запнулась, — вы же герой человечества, лорд Эрикёзе. Вы знали Некраналь во времена его величайшей славы — в те дни, когда звались Воителем и правили здесь. Вы знали древнюю Землю, вы освободили ее от оков элдренов. Вы знаете этот мир лучше меня, Эрикёзе.

Я пожал плечами.

— Да, многое здесь мне знакомо — и я припоминаю все больше. Но до вчерашнего дня я звался Джоном Дейкером, жил в городе, совсем не похожем на Некраналь, и занятия мои были весьма далеки от воинских. Я не отрицаю, что я — Эрикёзе. Имя звучит знакомо, оно привычно мне. Но о том, *кто такой* Эрикёзе, я знаю не больше вашего. Он был великим героем древности, который перед смертью поклялся, что вернется и решит судьбу поединка людей и элдренов, если понадобится его помощь. Его похоронили в весьма мрачной гробнице на холме. Похоронили с мечом, подвластным лишь ему одному.

— С мечом Канаяной, — пробормотала Иолинда.

— Значит, у него есть имя?

— Да — Канаяна. Но это... мне кажется, это больше, чем имя. Это что-то вроде мистического описания... описания истинной природы тех сил, что таются в нем.

— А есть ли легенда, объясняющая, почему только я могу носить этот клинок?

— Существует несколько таких легенд.

— И какую же предпочитаете вы? — улыбнулся я.

Впервые за это утро Иолинда прямо взглянула мне в глаза и, понизив голос, сказала:

— Я предпочитаю ту, где говорится, что вы избранный сын Величайшего, Всеблагого, что ваш меч — это меч богов и что вы способны управиться с ним, поскольку вы и сами бессмертное божество.

Я рассмеялся.

— Но вы ведь в это не верите?

Она опустила голову.

— Если вы скажете, что это неправда, разумеется, мне придется поверить вам.

— Признаю, что никогда не чувствовал себя таким сильным, — ответил я. — Но до бога мне, боюсь, далеко. К тому же мне кажется, что, будь я богом, я бы об этом знал. Я водил бы знакомство с другими богами. Я жил бы в той плоскости, где обитают боги. И среди моих близких друзей, несомненно, были бы богини...

Я остановился, потому что Иолинду, казалось, встревожили мои слова.

Протянув руку, я дотронулся до ее щеки и мягко добавил:

— Но в этом случае, возможно, вы правы. Возможно, я и есть бог — потому что имею честь быть знакомым с богиней.

Она увернулась от моего прикосновения.

— Вы смеетесь надо мной, господин.

— Нет. Клянусь.

Иолинда встала.

— Должно быть, я кажусь дурочкой такому великому человеку, как вы. Простите, что зря теряли время, слушая мою болтовню.

— Но я вовсе не терял время, — возразил я. — Наоборот, вы мне очень помогли.

Девушка удивленно приоткрыла рот.

— Помогла вам?

— Да. Вам удалось отчасти заполнить лакуны в моих воспоминаниях. Я все еще не помню себя как Эрикёзе, но теперь, по крайней мере, знаю о нем не меньше, чем остальные. А это мне наверняка пригодится!

— Возможно, ваш тысячелетний сон стер все воспоминания, — предположила Иолинда.

— Возможно, — согласился я. — Или на них наложилась череда других воспоминаний — иные жизни, иные впечатления.

— О чем вы говорите?

— Мне кажется, что я был не только Джоном Дейкером и Эрикёзе, но и множеством других людей. Мне на память приходят разные имена — чужие имена на незнакомых наречиях. У меня появилась весьма туманная — и, возможно, глупая — идея, что, пока Эрикёзе спал, мой дух воплощался в других телах. Порой в будущем, порой в прошлом, а иногда — и в иных мирах...

Объяснить своих слов я не мог и растерянно добавил:

— Может, этот неугомонный дух не знает сна и обречен вечно бодрствовать...

Я замолчал, потому что понял, что забрался глубоко в дебри метафизики — а к ней я никогда не имел особой склонности. Вообще-то я считал себя прагматиком и всегда насмеялся над идеей реинкарнаций. Да что там, я до сих пор готов был посмеяться над ней, несмотря на более чем весомые доказательства.

Но Иолинда настаивала на том, чтобы я продолжил эти беспредметные умствования.

— Говорите еще, — попросила она. — Прошу вас, лорд Эрикёзе.

И я исполнил ее просьбу, хотя бы ради того, чтобы красавица подольше оставалась со мной.

— Что ж, — пояснил я, — пока вы с отцом пытались призвать меня сюда, мне вспомнились другие жизни — не только в качестве Эрикёзе или Джона Дейкера. В памяти промелькнули, очень смутно, другие цивилизации, хотя не могу сказать, существовали они в прошлом или лишь возникнут в будущем. Вообще-то сейчас сами понятия «прошлое» и «будущее» кажутся мне бессмысленными. К примеру, я совершенно не уверен, в будущем или в прошлом находится этот мир по отношению к миру Джона Дейкера. Он просто есть. И я присутствую в нем. Возможно, существует одно лишь настоящее? Мне предстоит совершить определенные поступки. Вот и все, что я могу сказать.

— Но эти другие инкарнации, — продолжала принцесса. — Что вы о них знаете?

Я пожал плечами.

— Ничего. Я пытаюсь описать лишь смутное ощущение, а не четкие воспоминания. Горстка имен, которые я уже позабыл. Несколько образов, почти рассеявшихся, как рассеиваются сны. А может, они и были лишь снами. Может, и жизнь Джона Дейкера, уже стирающаяся из моей памяти, тоже была только сном. Определенно, я не знаю ничего о сверхъестественных сущностях, о которых говорили твой отец и Каторн. Мне ничего не известно ни об Азмбаане, ни о Величайшем и Всеблагом, ни о демонах или ангелах. Я лишь знаю, что я человек и что я существую.

Иолинда серьезно смотрела на меня.

— Да, это верно. Вы человек. И вы существуете. Я видела, как вы материализовались.

— Но откуда я явился?

— Из Иных Областей, — ответила она. — Из того места, куда уходят после смерти великие воины, а за ними и их женщины, чтобы соединиться в вечном счастье.

Я снова улыбнулся, но затем стер улыбку с лица, чтобы не оскорблять ее верования.

— Я не помню такого места, — сказал я. — Только борьбу. Если я где-то и был, то не в землях вечного счастья — нет, я посетил многие края, где идет вечная война.

Внезапно я ощутил усталость и упадок душевных сил.

— Вечная война, — со вздохом повторил я.

Во взгляде Иолинды вспыхнуло сочувствие.

— Так вы думаете, что ваша судьба — это вечный бой против врагов человечества?

Я нахмурился.

— Не совсем, потому что я помню миры, где был не вполне человеком — не в вашем понимании этого слова. Если, как я говорил, мой дух обитал во многих телах, то бывали и времена, когда он воплощался в... других формах.

Я поспешил отбросить эту мысль. Она была слишком сложной, чтобы осознать ее до конца, и слишком пугающей, чтобы с ней примириться.

Иолинда тоже встревожилась. Она вскочила, бросив на меня непонимающий взгляд.

— Но не... не...

Я улыбнулся.

— Не элдреном? Вообще-то не знаю. Но думаю, что нет, потому что название их расы ничего не пробуждает в моей памяти.

Это ее успокоило.

— Так тяжело доверять... — печально проговорила она.

— Доверять чему? Словам?

— Чему угодно, — ответила Иолинда. — Когда-то мне казалось, что я понимаю этот мир. Наверное, я была слишком юна. А теперь я ничего не понимаю. Я даже не знаю, доживу ли до следующего года.

— Думаю, всем нам, смертным, знаком этот страх, — мягко заметил я.

— «Нам, смертным»? — безрадостно улыбнулась она. — Но вы бессмертны, Эрикёзе!

До сих пор я об этом не думал. В конце концов, нечасто ты материализуешься прямо из воздуха! Я рассмеялся.

— Скоро проверим, бессмертный я или нет. Вот только вступим в бой с элдренами!

С губ Иолинды сорвался тихий стон.

— Ах! — вскрикнула она, делая шаг к двери. — Даже не смейте так думать! Вы бессмертны, Эрикёзе! Вы неуязвимы! Вы вечны! Вы единственный, в ком я не сомневаюсь, единственный, кому я могу доверять. Не шутите так больше. Прошу вас, не шутите так!

Вспышка Иолинды меня поразила. Не лежи я в кровати голышом, я бы встал, обнял и утешил ее. Конечно, она уже видела меня голым в самом начале, когда я материализовался в гробнице Эрикёзе, но я слишком мало знал об обычаях ее народа, чтобы гадать, шокирует ее сейчас мой вид или нет.

— Простите меня, Иолинда, — сказал я. — Я не понимал...

Но чего я не понимал? Насколько эта бедняжка не уверена в себе и в окружающем мире? Или тут было что-то глубже?

— Не уходите, — взмолился я.

Она остановилась у двери и обернулась. В ее огромных, широко распахнутых глазах блестели слезы.

— Вы бессмертны, Эрикёзе. Вы вечны. Вы никогда не умрете!

На это мне нечего было ответить.

Насколько я мог судить, гибель ждала меня в первой же стычке с элдренами.

Внезапно я осознал, какую ответственность взвалил на себя — ответственность не просто за эту прекрасную женщину, но за всю человеческую расу. Иолинда бросилась прочь из комнаты, а я проглотил комок в горле и рухнул обратно на подушки.

Способен ли я вынести такое бремя?

И хотел ли я его нести?

Нет. Я не испытывал особой уверенности в собственных силах и не считал, что чем-то лучше, скажем, Каторна. В конечном счете, Каторн был куда более опытным военачальником. И у него имелись все основания ненавидеть меня. Я занял его место, захватил его власть и лишил той ответственной роли, к которой он издавна готовился, — и притом до сих пор я никак не проявил себя. Внезапно я увидел все это глазами Каторна и искренне ему посочувствовал.

Какое у меня было право вести человечество в бой, от которого зависело само его существование?

Никакого.

А затем пришла другая мысль, на сей раз более эгоистичная.

«Кто дал человечеству право ожидать от меня такого?» — подумал я, преисполняясь жалости к себе.

Скажем прямо — они пробудили меня от сна, который я вполне заслужил, от тихой, честной жизни Джона Дейкера. А теперь требовали, чтобы я вернул им уверенность в себе и — да-да — потерянное ими чувство собственной правоты.

Лежа в кровати, я на какое-то время преисполнился ненависти к королю Ригеносу, Каторну и остальным представителям человеческой расы — в том числе к прекрасной Иолинде, заставившей меня задуматься над этим.

Воитель Эрикёзе, Защитник Человечества, Величайший Боец, валялся в постели, страдая, скуля и изнывая от жалости к себе.

Глава пятая

КАТОРН

К немалому моему смущению, рабы умыли и побрили меня. Затем я наконец-то встал, накинул на себя простую тунику и в одиночку отправился в оружейные комнаты, где снял со стены свой меч в ножнах.

Стоило мне обнажить клинок, как я вновь почувствовал прилив сил. Все сомнения и страхи покинули меня. Я расхохотался, слушая, как меч со свистом рассекает воздух над головой, и ощущая, как сокращаются сильные мышцы.

Сделав выпад, я почувствовал, что меч как будто стал частью моего тела — словно еще одна рука, о присутствии которой я до сих пор не догадывался. Я вытянулся в глубоком выпаде, отвел клинок назад и рубанул. Фехтование им дарило мне радость!

С ним я становился чем-то большим, чем до сих пор. Он превращал меня в мужчину. В воина. В Воителя Человечества.

Когда я был Джоном Дейкером, мне лишь дважды приходилось братья за меч — причем, по словам друзей, считавших себя экспертами в этом деле, обращался с клинком я на удивление неуклюже.

Наконец я неохотно вложил меч в ножны и тут заметил раба, маячившего в отдалении. Мне сразу вспомнилось, что лишь я, Эрикёзе, могу держать этот клинок без опаски.

— В чем дело? — спросил я.

— Пришел лорд Каторн, господин. Он желает поговорить с вами.

Я повесил меч обратно на крюк и сказал рабу:

— Пригласи его.

В комнату быстро вошел Каторн. Похоже, ему пришлось дожидаться какое-то время, и настроение у него было ничуть не лучше, чем при нашей первой встрече. Его ботинки, подбитые железом, звонко стучали по каменным плитам пола.

— Доброго вам утра, лорд Эрикёзе, — сказал он.

Я поклонился.

— И вам доброго утра, лорд Каторн. Извините, если заставил вас ждать. Я опробовал этот меч.

— Меч Канаяну, — поправил меня Каторн, задумчиво глядя на ножны.

— Меч Канаяну, — согласился я. — Не хотите ли перекусить?

Я изо всех сил старался угодить Каторну, не только потому, что глупо наживать себе врага в лице такого опытного воина перед самой битвой, но и потому, что — как уже говорил — сочувствовал ему.

Однако капитан отказался пойти мне навстречу.

— Я утолил голод на рассвете, — заявил он. — И пришел сюда затем, чтобы обсудить более неотложные дела, чем закуски, лорд Эрикёзе.

— И какие же именно? — спросил я, сдерживая раздражение.

— Военные дела, лорд Эрикёзе. Что же еще?

— И правда. Так о чем вы хотите поговорить со мной, лорд Каторн?

— Я думаю, что мы должны атаковать элдренов прежде, чем они двинутся на нас.

— Лучшая защита — нападение, так?

Похоже, мои слова его удивили. Он явно не слышал этой фразы раньше.

— Хорошо сказано, господин мой. Кое-кто бы мог подумать, что при таком красноречии вы и сами из элдренов.

Каторн явно испытывал мое терпение, но я пропустил эту шпильку мимо ушей.

— Итак, — продолжил я, — мы их атакуем. Где нанесем удар?

— Именно это мы и должны обсудить со всеми, кто участвует в составлении планов военной кампании. Но один вариант представляется мне самым очевидным.

— Какой же?

Крутанувшись на каблуках, капитан вышел в другую комнату, вернулся с картой и расстелил ее на скамье. Это была карта Мернадина, третьего материка, целиком попавшего под власть элдренов. Каторн ткнул острием своего кинжала в точку, которую мне показывали прошлым вечером.

— Пафанааль, — сказал я.

— Хотя это кажется наиболее явной целью для первого удара в нашей кампании, не думаю, что элдрены ожидают от нас такого дерзкого шага. Им известно, что мы истощены войной и обескровлены.

— Но если солдат мало и они измотаны боями, — возразил я, — не лучше ли будет поначалу атаковать какой-нибудь город поменьше?

— Вы забываете, господин мой, как ваше появление воодушевило солдат, — сухо заметил Каторн.

При этом выпаде я не сдержал улыбку. Однако Каторн гневно нахмурился — ему явно не нравилось, что я не принимаю его вызов.

Я спокойно ответил:

— Нам надо научиться работать вместе, господин мой Каторн. Я уважаю ваш командный опыт. И признаю, что о нынешних элдренах вы знаете куда больше меня. Ваша помощь нужна мне не меньше, чем моя — королю Ригеносу.

Похоже, это немного смягчило Каторна. Откашлявшись, он продолжил:

— Когда мы захватим Пафанааль — и провинцию, и город, — у нас появится береговой плацдарм, с которого мы сможем повести дальнейшее наступление на материк. Если Пафанааль снова окажется у нас в руках, мы будем сами определять военную стратегию и действовать, а не просто реагировать на то, что нам навязывают элдрены. И лишь после того, как мы отбросим их в горы, нам предстоит утомительная работа по их тотальному уничтожению. Это займет годы — но так нам и следовало поступить с самого начала. Однако за эту часть операции будут отвечать войсковые командиры, нас непосредственно она уже не коснется.

— А что могут нам противопоставить защитники Пафанаала? — спросил я.

Каторн улыбнулся.

— Они полагаются в основном на свои корабли. Если мы уничтожим флот, Пафанааль можно считать нашим.

Зубы старого вояки обнажились — видимо, в усмешке. Затем он с внезапным подозрением уставился на меня, как будто слишком много наговорил.

Это выражение я уже не мог оставить без внимания.

— Что у вас на уме, лорд Каторн? — спросил я. — Вы мне не доверяете?

Капитан ничем не выдал своих чувств.

— Я должен доверять вам, — ровно сказал он. — Все мы должны доверять вам, лорд Эрикёзе. Разве вы пришли не затем, чтобы исполнить свою давнишнюю клятву?

Я испытующе взглянул на него.

— А вы в это верите?

— Я должен в это верить.

— Вы верите в то, что я возрожденный Воитель Эрикёзе?

— Я должен верить и в это.

— Вы верите, поскольку считаете, что если я не Эрикёзе — не легендарный Эрикёзе, — то человечество обречено?

Он кивнул, словно соглашаясь.

— А что, если я не Эрикёзе, капитан?

Каторн поднял голову.

— Вы не можете быть никем, кроме Эрикёзе... господин мой. Но если бы не одна вещь, я бы заподозрил...

— Заподозрил что?

— Ничего.

— Вы заподозрили бы, что я переодетый элдрен? Ведь так, лорд Каторн? Хитроумная тварь, принявшая обличье человека? Верно ли я прочел ваши мысли?

— Даже слишком верно, — ответил Каторн, сведя к переносице густые брови и сжав губы так, что они побелели. — Говорят, что элдрены могут читать мысли. Но у людей таких способностей нет.

— Так значит, вы боитесь, лорд Каторн?

— Элдренов? Во имя Всеблагого, сейчас я тебе покажу...

Мощная ладонь Каторна метнулась к рукояти его меча.

Но тут я сам поднял руку и указал на клинок, висевший на стене в ножнах.

— Но вот эта деталь не вписывается в вашу теорию, так? Если я не Эрикёзе, как же я могу владеть его мечом?

Каторн не стал обнажать клинок, но ладонь с рукояти не убрал.

— Ведь правда, что никто из живущих, людей или элдренов, не может прикоснуться к этому мечу и избежать смерти? — тихо продолжил я.

— Так говорит легенда, — согласился он.

— Легенда?

— Я никогда не видел, чтобы элдрены пытались завладеть Канаяной.

— Но вы вынуждены считать, что это правда. Иначе...

— Иначе, — выдал он, — человечеству надеяться не на что.

— Что ж, лорд Каторн. Придется вам считать, что я — и в самом деле Эрикёзе, призванный королем Ригеносом для того, чтобы спасти человечество.

— Другого выбора у меня нет.

— Хорошо. Но и мне придется, в свою очередь, исходить из некоего допущения.

— Вам? Из какого?

— Мне придется исходить из того, что вы будете сотрудничать со мной ради достижения цели. Что не будете плести интриги у меня за спиной, утаивать от меня жизненно важную информацию, что не станете искать союзников против меня в наших собственных рядах. Понимаете ли, лорд Каторн, ваши подозрения могут свести на нет все наши планы. Человек, завидующий

своему вождю и желающий ему зла, способен причинить больше вреда, чем любой враг.

Каторн кивнул и расправил плечи, убирая руку с меча.

— Я уже думал об этом, мой господин. Ведь я не глупец.

— Я знаю, что вы не глупец, лорд Каторн. Будь вы глупцом, я бы не стал заводить этот разговор.

Капитан упер язык в щеку, обдумывая сказанное. В конце концов он ответил:

— Да и вы не глупец, лорд Эрикёзе.

— Благодарю за лестное мнение.

— Хм-м.

Сняв шлем, Каторн провел рукой по густым волосам. Похоже, он все еще не пришел к окончательному выводу.

Я ждал, что он скажет что-то еще, но вместо этого капитан решительно надел шлем и, сунув в рот большой палец, принялсяковыряться в зубах. Вытащив палец, Каторн внимательно его изучил, а затем перевел взгляд на карту и проворчал:

— Ладно; по крайней мере, мы поняли друг друга. Так будет легче сражаться на этой треклятой войне.

Я кивнул:

— Уверен, намного легче.

Он фыркнул.

— А насколько силен наш собственный флот? — спросил я.

— Достаточно силен. Конечно, слегка поредел, но мы это исправим. Наши верфи работают круглыми сутками, строя новые, более крупные корабли. А в литейных мастерских на севере и на юге мы льем для них мощные пушки.

— А что насчет команды?

— Мы набираем всех, кого можем. Кое-какую работу выполняют даже женщины и подростки. Вам ведь говорили, лорд Эрикёзе: все человечество сражается с элдренами — и так оно и есть.

Я ничего не ответил, но в глубине души начал восхищаться силой духа этих людей. Теперь меня уже не так беспокоило, справедливо или несправедливо то, что я делаю. В этом странном времени и мире, куда меня закинула судьба, люди сражались не больше и не меньше, как за выживание собственного вида.

Но затем меня поразила другая мысль. Разве нельзя сказать то же самое об элдренах?

Я решил выкинуть напрасные сомнения из головы.

По крайней мере это роднило меня с Каторном. Мы не тратили время на пустые рассуждения о морали и нравственности. Перед нами стояла задача. Мы приняли на себя ответственность за ее исполнение. И собирались приложить все силы, чтобы довести дело до конца.

Глава шестая

ПОДГОТОВКА К ВОЙНЕ

Итак, я совещался с генералами и адмиралами. Мы сидели над картами, обсуждали тактику и стратегию, подсчитывали количество солдат, кораблей и животных. Тем временем наши флоты росли, а на Двух Континентах сгоняли в армию всех, от десятилетних мальчишек до мужчин пятидесяти лет и старше, от двенадцатилетних девушек до шестидесятилетних старух. Их собирали под двойное знамя человечества, с гербами Завары и Некралалы, под штандарты короля Ригеноса и Воителя Эрикёзе.

Дни текли. Мы подробно разработали план морского и сухопутного вторжения в центральную гавань Мернадина, Пафанааль, и в окружающую его провинцию, носившую то же название.

В промежутках между совещаниями с командирами армии и флота я упражнялся в верховой езде и обращении с оружием, пока в полной мере не овладел этими искусствами.

Мне приходилось не столько *учиться*, сколько *вспоминать*. Сидеть в седле оказалось так же привычно, как сжимать в ладони рукоять моего странного меча. Да, я всегда знал, что меня зовут Эрикёзе (мне сказали, это значит «Тот, кто всегда здесь» на одном из древних, забытых человечеством языков), и точно так же всегда умел натянуть тетиву и спустить стрелу на полном скаку.

Но вот Иолинда... Ее я не знал. Хотя какая-то часть меня, похоже, способна была путешествовать во времени и пространстве, воплощаясь снова и снова, эти воплощения не повторялись. Я не проживал заново эпизод своей прежней жизни — нет, я просто стал тем же человеком, совершающим другие поступки. По крайней мере, так мне казалось. В этих пределах я обладал свободой воли. Я не чувствовал, что судьба моя предрешена, — хотя, возможно, так и было. Не исключено, что я слишком оптимистично смотрел на мир. И, может, в конечном счете я все-таки был глупцом, вопреки мнению Каторна. Вечным Глупцом.

Во всем, что касалось Иолинды, я определенно вел себя как полный идиот. От ее красоты перехватывало дыхание. Но рядом с ней я не мог выглядеть дураком. Ей хотелось видеть героя, Бессмертного — ни больше ни меньше. Значит, я должен был разыгрывать из себя героя, чтобы успокоить ее, хотя это и шло вразрез с моей обычной, весьма непосредственной, манерой поведения. Порой я чувствовал себя скорее ее отцом, чем будущим возлюбленным. И, учитывая почерпнутые в двадцатом веке представления о человеческих мотивациях, зачастую задумывался: может, я просто заменял принцессе сильную отцовскую фигуру, которую Иолинда так и не обрела в Ригеносе?

Мне казалось, она втайне презирала Ригеноса за слабость. А вот я сочувствовал старику. (Старику? И это при том, что я был старше — неизмеримо

старше... Но хватит об этом.) На Ригеносе лежала громадная ответственность, и, на мой взгляд, король неплохо с ней справлялся: ведь дай ему волю, он куда охотней расчерчивал бы планы садов, чем сражений. Не вина Ригеноса, что у него не было сына-наследника, на плечи которого — будь обстоятельства более благоприятны — он смог бы переложить это бремя. К тому же я слышал, что он неплохо проявил себя в бою и никогда не пытался обвинить других в собственных неудачах. Возможно, ему подошла бы более тихая и размеренная жизнь, однако король был способен и на ярость, если речь заходила о ненавистных элдренах. Мне предназначалась роль героя, которым он стать не сумел. И я согласился. Однако мне отнюдь не хотелось заменять его и в роли отца. Я желал куда более здоровых и естественных отношений с Иолиндой, а если нет, то лучше уж никаких!

Не уверен, однако, что у меня был выбор. Принцесса очаровала меня. Пожалуй, я согласился бы на все, лишь бы оставаться рядом с ней.

Мы проводили вместе как можно больше времени, каждый раз, когда я вырвался с совещаний или собственных тренировок. Мы бродили, держась за руки, по крытым балконам, обвивавшим Дворец Десяти Тысяч Окон подобно диковинному плющу, от подножия и до самой крыши. Там росло невероятное количество цветов и кустарников, висели клетки с птицами. Многие птахи вольно порхали в листве этих коридоров, серпантином поднимавшихся вверх, или сидели на маленьких деревьях и лианах, начиная громко распевать при нашем приближении. Я узнал, что это тоже была идея короля Ригеноса, пожелавшего придать балконам более уютный вид.

Постепенно приближался тот день, когда флот должен был собраться и отплыть к далекому континенту, где правили элдрены. Раньше мне не терпелось испытать себя в схватке с врагом, но теперь уезжать хотелось все меньше и меньше, потому что это означало расставание с Иолиндой — а желание овладеть ей становилось чуть ли не сильнее, чем любовь.

Хотя я выяснил, что день ото дня человечество все больше сковывало себя ненужными и неприятными рамками суровой морали, невенчанным любовникам все еще не запрещалось делить постель, если, конечно, у них было равное положение в обществе. Это открытие заставило меня облегченно вздохнуть. Мне казалось, что Бессмертного — которым меня здесь считали — и принцессу вполне можно назвать подходящей парой. Однако моим притязаниям мешали отнюдь не общественные нормы, а сама Иолинда. Тут уж не помогла бы никакая свобода, или «вольные нравы», или «распушенность», как называют старые ханжи. В двадцатом веке (интересно, поймут ли эти два слова те, кто будут читать написанное мной?) бытовало странное мнение, что если законы человеческой «морали» — особенно в отношении секса — вдруг перестанут соблюдаться, то начнется всеобщая вакханалия. При этом благополучно забывалось, что люди, в общем-то, испытывают влечение отнюдь не к каждому встречному, а влюбляются и вовсе один-два раза за всю жизнь. К тому же

существует масса других причин, по которым влюбленные зачастую не могут заняться сексом, даже если их страсть взаимна.

Что касается Иолинды, то я колебался, потому что, как уже упоминал, не хотел просто заменить ей отца, а она колебалась, потому что ей нужно было «целиком и полностью» доверять мне. Джон Дейкер назвал бы такое поведение невротическим. Может, и так, но с другой стороны — как вменяемая девушка должна относиться к тому, кто совсем недавно у нее на глазах возник из воздуха?

Однако довольно об этом. Скажу лишь, что к тому времени мы оба успели страстно влюбиться друг в друга, и все же между нами не было физической близости — мы даже не обсуждали ее, хоть слова порой висели у меня на кончике языка.

А потом случилось нечто странное: мое желание начало ослабевать. Любовь к Иолинде осталась такой же сильной — если не стала сильнее, — но мне уже не хотелось немедленно затащить девушку в постель. Это было совсем не похоже на меня. Или, вернее сказать, совсем не похоже на Джона Дейкера.

Но по мере того, как час разлуки приближался, мне все больше хотелось как-то выразить свою любовь. Однажды вечером, когда мы прогуливались по балконам, я остановился, запустил руку Иолинде в волосы и, погладив девушку по затылку, развернул лицом к себе.

Она нежно взглянула на меня и улыбнулась. Алые губы Иолинды чуть приоткрылись, и она не отпрянула, когда я нагнулся и бережно ее поцеловал. Мое сердце застучало чаще. Я прижал принцессу к себе, чувствуя, как при каждом вдохе поднимается ее грудь. Взяв Иолинду за руку, я приложил ее ладонь к своей щеке, любуясь невиданной красотой моей возлюбленной. Затем, зарывшись пальцами в пышные пряди Иолинды, я снова поцеловал ее, ощущая теплоту и сладость дыхания. Девушка сплела пальцы с моими и открыла глаза. У нее был счастливый взгляд — по-настоящему счастливый, впервые с нашей встречи. Еще миг — и мы оторвались друг от друга.

Иолинда дышала теперь неровно и взволнованно. Она начала что-то говорить, но я оборвал ее. Принцесса взглянула на меня с ожидающей улыбкой, и в глазах ее мешались гордость и нежность.

— Когда я вернусь, — мягко проговорил я, — мы поженимся.

Какой-то миг она недоуменно смотрела на меня, но затем осознала, что я сказал — и как это важно. Я пытался объяснить ей, что она может мне доверять. Другого способа сделать это я был не в силах придумать. Наверное, сказывались старые привычки Джона Дейкера.

Кивнув, Иолинда сняла с руки золотое кольцо искусной работы, с жемчугом и розовыми бриллиантами, и надела мне на мизинец.

— Символ моей любви, — сказала она. — Знак моего согласия. А может, и оберег, который принесет тебе удачу в битвах. Он послужит напоминанием обо мне, когда тебя будут искушать эти ведьмы, элдренские оболстительницы.

Последние слова принцесса произнесла с усмешкой.

— Как я погляжу, у этого кольца масса назначений.

— Столько, сколько захочешь.

— Благодарю.

— Я люблю тебя, Эрикёзе, — просто ответила она.

— И я люблю тебя, Иолинда, — сказал я и, помолчав, добавил: — Но я невнимательный возлюбленный, увы. Мне нечего дать тебе взамен. Я смущен и растерян.

— Мне хватит твоего слова, — отозвалась Иолинда. — Поклянись, что вернешься ко мне.

Секунду я ошеломленно смотрел на нее. Разумеется, я вернусь к ней.

— Поклянись, — повторила она.

— Я клянусь. Даже не сомневайся.

— Поклянись снова.

— Я поклянусь тысячу раз, если одного недостаточно. Я клянусь. Клянусь, что вернусь к тебе, Иолинда, любовь моя, радость моя.

— Хорошо.

Кажется, это ее удовлетворило.

Тут послышался торопливый топот, и на балконе показался один из приставленных ко мне рабов. Он кинулся нам навстречу.

— Ах, господин, вот вы где. Король Ригенос послал меня за вами.

Был уже поздний вечер.

— Чего же хочет король Ригенос? — спросил я.

— Он не сказал мне, господин.

Улыбнувшись Иолинде, я взял ее под руку.

— Хорошо. Мы идем.

Глава седьмая

ДОСПЕХИ ЭРИКЁЗЕ

Раб привел нас в мои собственные покои. Там никого не было, не считая прислуги.

— И где же король Ригенос? — спросил я.

— Он велел подождать здесь, господин.

Я снова улыбнулся Иолинде. Она ответила мне улыбкой.

— Хорошо, — сказал я. — Подождем.

Долго ждать нам не пришлось. В покои один за другим начали входить рабы. Они несли массивные металлические предметы, завернутые в промасленный пергамент, и складывали их в оружейной. Я следил за ними с каменным выражением лица, хотя был изрядно удивлен.

Затем наконец явился и король Ригенос. Он выглядел куда более оживленным, чем обычно, и Каторна на сей раз с ним не было.

— Приветствую, отец, — сказала Иолинда. — Я...

Но король Ригенос вскинул руку и обратился к рабам:

— Снимайте обертку. Да поживее.

— Король Ригенос, — вмешался я. — Мне бы хотелось сказать вам...

— Простите, лорд Эрикёзе. Сначала взгляните на то, что я вам принес. Эти вещи сотни лет пролежали в подземных хранилищах дворца, ожидая вас, Эрикёзе!

— Ожидая?

Когда рабы сорвали промасленный пергамент, усыпав каменные плиты пола свернувшимися листами, передо мной предстало величественное зрелище.

— Это, — объявил король, — доспехи Эрикёзе. Мы высвободили их из каменной гробницы, что глубже глубочайших подземелий дворца, дабы Эрикёзе снова смог в них облачиться.

Доспехи были черными и блестящими. Они как будто только сегодня вышли из кузницы величайшего в истории кузнеца — их сработали с удивительным искусством.

Я поднял нагрудник и провел по нему ладонью.

В отличие от тех лат, что носила Имперская гвардия, эти оказались гладкими, безо всяких выступающих украшений. В высоких наплечниках были прорезаны желобки, чтобы отвести удар меча, секиры или копья от головы хозяина. Точно такие же виднелись на шлеме, нагруднике, наголенниках и остальных частях доспехов.

Металл показался мне легким, но очень прочным, как и тот, из которого был скован мой меч. Однако черная лакировка на броне блестела. Она блестела ярко, почти ослепительно. Этот доспех был прекрасен в своей простоте — прекрасен, как и всякое творение истинного мастера. Его украшал лишь пышный алый султан из конского волоса, венчавший гребень шлема и ниспадавший по гладким боковинам. Я прикоснулся к доспеху с тем же благоговением, с каким прикасаются к произведению искусства. Только в этом случае искусство должно было защитить мою жизнь, отчего я лишь больше трепетал от восторга.

— Благодарю тебя, король Ригенос! — воскликнул я, в самом деле чувствуя искреннюю благодарность. — Я облачусь в них в тот день, когда мы поднимем паруса и поплывем на битву с эдренами.

— Этот день наступит завтра, — тихо ответил король.

— Что?

— Прибыл последний из наших кораблей. Последние члены команды поднялись на борт, и загружена последняя пушка. Завтра будет высокий прилив, и мы не можем его упустить.

Я быстро взглянул на короля. Неужели меня водили за нос? Неужели Каторн убедил государя не открывать мне точную дату отплытия? Но лицо

Ригеноса оставалось ясным. Отбросив подозрения, я решил принять все как есть. Затем я обернулся к Иолинде. Похоже, слова короля ее поразили.

— Завтра, — пробормотала она.

— Завтра, — подтвердил Ригенос.

Я прикусил нижнюю губу.

— Тогда я должен подготовиться.

Принцесса проговорила:

— Отец...

Король взглянул на нее.

— Да, Иолинда?

Я уже открыл было рот, но замолчал. Иолинда покосилась на меня и тоже ничего не сказала. Признаться ему оказалось нелегко, и внезапно мне почудилось, что лучше хранить нашу любовь, наш договор, в тайне. Почему, ни один из нас не смог бы объяснить.

Король тактично избавил нас от своего общества.

— Мы обсудим последние приготовления позже, лорд Эрикёзе.

Я поклонился. Ригенос вышел.

Все еще не придя в себя, мы с Иолиндой смотрели друг на друга, а затем обнялись и зарыдали.

Джон Дейкер никогда бы такого не написал. Он посмеялся бы над подобной сентиментальностью, так же как поднял бы на смех любого, кто посчитал бы важным изучение ратного дела. Джон Дейкер никогда бы не написал такого, но я должен.

Я снова начал чувствовать радостное предвкушение при мысли о близящейся войне. Прежнее возбуждение возвращалось, но теперь на него накладывалась любовь к Иолинде. Однако это была уже другая, спокойная и целомудренная любовь — намного более полная, чем обычная животная страсть. Нечто совсем иное. Возможно, то была куртуазная рыцарская любовь, которую ставили выше всего благородные воители христианского мира.

Джон Дейкер, конечно, сказал бы, что я подавляю сексуальное желание и хочу заменить битвой постель.

Возможно, Джон Дейкер не ошибся бы. Но мне такое мнение правильным не казалось, несмотря на то что рационалисты нашли бы массу аргументов в его пользу. Люди склонны воспринимать другие эпохи через призму собственного времени. Однако нормы этого общества несколько отличались от норм двадцатого века, и я пока лишь смутно осознавал различия. С Иолиндой я вел себя так, как было принято здесь и сейчас. Вот и все, что я могу сказать. Думаю, и то, что произошло позже, разыгралось по этим законам.

Я взял лицо Иолинды в ладони, наклонился и поцеловал ее в лоб. Она ответила мне поцелуем в губы, а затем двинулась к двери.

— Мы увидимся до моего отъезда? — спросил я, когда она стояла уже на пороге.

— Да, — ответила принцесса. — Да, любимый, если получится.

Когда Иолинда ушла, печали я, как ни странно, не почувствовал. Я снова осмотрел доспехи, а затем спустился в парадный зал, где король Ригенос в окружении своих верховных полководцев изучал детальную карту Мернадина и водных пространств, отделявших его от Некралалы.

— Утром мы отплываем отсюда, — сказал мне Ригенос, указывая на гавань Некраналы. Река Друна текла через город к морю и порту Нуносу, где собрался флот. — Боюсь, Эрикёзе, нам предстоит кое-какие церемонии. Необходимо выполнить определенные ритуалы. По-моему, я вам уже их описывал.

— Да, — согласился я. — Похоже, эти ритуалы утомительней самой войны.

Командиры расхохотались. Хотя они держались со мной чуть отстраненно и напряженно, я все же нравился им, поскольку (к собственному немалому изумлению) доказал, что обладаю врожденным талантом тактика и разбираюсь в искусстве войны.

— Но церемонии необходимы людям, — заметил Ригенос. — Это часть мира, в котором они живут. Так простые горожане почувствуют себя причастными к тому, что мы совершим.

— Мы? — переспросил я. — Я не ошибся? Вы имеете в виду, что поплывете с нами?

— Да, — спокойно ответил Ригенос. — Я решил, что так надо.

— Надо?

— Да.

Он явно не собирался развивать эту тему, особенно в присутствии своих военачальников.

— А теперь давайте продолжим. Завтра нам предстоит раннее пробуждение.

Пока мы обсуждали последние детали предстоящей кампании, я внимательно вглядывался в лицо короля.

Никто не ожидал, что он отправится в поход с армией. Его честь не пострадала бы, останься он в столице. И все же Ригенос принял решение, ставившее под угрозу его жизнь, решение участвовать в действиях, к которым он не имел ни малейшей склонности.

Так почему же король сделал такой выбор? Может, хотел доказать себе самому, что способен сражаться? Но это он уже доказал. Потому что завидовал мне? Или не до конца доверял? Я покосился на Каторна, но тот ничем не выказывал удовлетворения. Просто стоял со своим обычным мрачным видом.

Я мысленно пожал плечами. Не было толку гадать. Факт заключался в том, что король, не самый здоровый на свете человек, отправлялся с нами. По меньшей мере, это послужит дополнительным источником вдохновения для наших бойцов. А возможно, и мне будет легче удержать в узде Каторна.

В конце концов мы разошлись. Я отправился напрямик в кровать и некоторое время лежал без сна, спокойно размышляя о Иолинде, о планах

сражений, которые помог составить, и о том, каково будет биться с элдренами. Я все еще не особенно ясно представлял, как они сражаются (не считая того, что «яростно и предательски») и как выглядят (не считая того, что похожи на «демонов из самой бездны»).

Я знал, что вскорости получу ответы хотя бы на часть вопросов.

И с этой мыслью уснул.

В ночь перед отплытием к Мернадину мне снились странные сны.

Я видел башни, болота и озера, видел армии, копья, извергавшие пламя, летающие железные машины, бившие крыльями, как гигантские птицы. Я видел чудовищных размеров фламинго и шлемы с забралами, похожими на звериные морды.

Я видел драконов — огромных рептилий, дышавших огнем и рассекавших хмурое, затянутое тучами небо. Я видел прекрасный город, охваченный пожаром. Я видел нелюдей и знал, что это боги. Я видел женщину, чье имя не мог припомнить, и невысокого рыжеволосого мужчину, который, кажется, был мне другом. Видел меч — огромный черный клинок, более могущественный, чем тот, которым я владел сейчас, — и этот меч, как ни странно, возможно, тоже был мной!

Я видел мир, скованный льдом. По льду катились невероятные, исполинские корабли с хлопающими под ветром парусами. Черные, похожие на китов животные перемещались по бесконечным снежным плато.

Я видел мир — или целую вселенную? — где не было горизонта. Его плотная мозаичная атмосфера постоянно кипела, шла радужными пятнами. Люди и предметы возникали из нее лишь затем, чтобы снова исчезнуть. Я не сомневался, что этот мир далеко за пределами Земли. Да, я находился на борту космического корабля, — но этот корабль путешествовал по вселенной, недоступной человеческому воображению.

Я видел пустыню и брел по ней, спотыкаясь, всхлипывая и страдая от одиночества. Такого одиночества не испытывал ни один из смертных.

Я видел джунгли — джунгли, состоявшие из первобытных деревьев и гигантских папоротников. Сквозь папоротники проглядывали колоссальные здания безумной архитектуры. В руке моей было оружие — не меч и не пистолет, но куда более мощное.

Я ездил верхом на странных животных и встречался со странными людьми. Меня окружали ландшафты, невероятно прекрасные и невероятно жуткие. Я пилотировал летучие машины и космические корабли, я правил колесницами. Я ненавидел. Я влюблялся. Я создавал империи, нес гибель целым народам, я убивал многих и многожды погибал. Я торжествовал и терпел унижение. И у меня было много имен. Звук этих имен громом отдавался в моей черепной коробке. Слишком много. Слишком...

Но мира в моем сне я не видел. Лишь вечный бой.

*Глава восьмая***ОТПЛЫТИЕ**

Когда я проснулся утром, сны рассеялись, оставив меня в глубокой задумчивости. Единственное, чего мне хотелось сейчас, — это упмановских сигар Coronas Major.

Некоторое время я пытался выкинуть эту мысль из головы. Насколько я помнил, Джон Дейкер никогда не курил упмановских сигар. Да он вообще не разбирался в марках сигар! Откуда взялось это название? Тут же всплыло и имя — Джеремиа. Оно тоже было мне смутно знакомо.

Усевшись в постели, я понял, где нахожусь, и оба имени слились с множеством приснившихся мне имен. Я поднялся, прошел в соседнюю комнату, где рабы готовили для меня ванну, и с облегчением погрузился в воду. Умываясь, я вновь сосредоточился на насущных проблемах. Однако тоска не покидала меня — на секунду опять подумалось, что, возможно, я спятил и пребываю сейчас во власти шизофренических галлюцинаций.

Однако когда рабы внесли в комнату мои доспехи, я почувствовал себя куда лучше. Меня опять восхитила красота этих лат и искусство, с которым они были сработаны.

Что ж, пришло время их примерить. Сначала я надел исподнее, затем что-то вроде стеганого подкольчужника, а потом уже стал прилаживать на себя доспехи. И снова я с легкостью разобрался во всех застежках и пряжках, будто занимался этим каждое утро в течение всей жизни. Доспех идеально мне подходил, был удобен и почти ничего не весил, хотя полностью защищал все тело.

Затем я направился в оружейную, снял с крюка меч, затянул на себе пояс из металлических звеньев и повесил смертоносный клинок в ножнах на левое бедро. Откинув за спину алый плюмаж шлема, я поднял забрало.

Рабы проводили меня в парадную залу, где защитники человеческой расы собрались, чтобы попрощаться с Некраналем.

Гобелены, раньше украшавшие стены из чеканного серебра, сейчас убрали, и на их место повесили сотни ярких знамен. Это были стяги маршалов, капитанов и рыцарей, которые выстроились в зале по старшинству.

Трон короля установили на специально построенном возвышении. Помост был покрыт изумрудного цвета тканью, а за ним гордо красовалось двойное знамя Двух Континентов. Я занял свое место у подножия, и все напряженно принялись ждать прибытия короля. Меня уже проинструктировали, как я должен себя вести во время предстоящей церемонии.

Наконец на галерее над нами звонко запели трубы. Послышался грохот боевых барабанов, и в дверях появился король.

Мне показалось, что Ригенос стал выше ростом в своем золоченом доспехе и наброшенном на него красно-белом плаще. Железная корона с драгоценными

камнями была надета поверх шлема. Король гордо прошествовал к помосту и, поднявшись наверх, уселся на трон, положив обе руки на подлокотники.

Мы вскинули руки в приветственном салюте и хором прокричали:

— Да здравствует король Ригенос!

А затем мы опустились на колени. Я — первым. За мной — небольшая группка маршалов. За ними — сотня капитанов, потом пять тысяч рыцарей — и все мы стояли на коленях. А вдоль стен выстроились пожилые дворяне, придворные дамы, стражники, рабы и оруженосцы, управители различных районов города и всех провинций Двух Континентов.

Все они смотрели на Ригеноса и его Воителя Эрикёзе.

Король встал. Я взглянул на него. Лицо Ригеноса было суровым и твердым — никогда прежде он не выглядел столь царственно.

Теперь все внимание сосредоточилось на мне. Я, Эрикёзе, Воитель, должен был стать их спасителем. Они это знали.

И я тоже признавал это, с гордостью и уверенностью.

Король Ригенос вскинул руки, развел их широким жестом и заговорил:

— Воитель Эрикёзе! Маршалы, капитаны и рыцари человечества — мы собираемся развязать войну против чужеродного зла. Нам предстоит сразиться не просто с захватчиками. Мы должны вступить в бой с неприятелем, который добивается полного уничтожения человеческой расы. Мы должны спасти два наших прекрасных континента от гибели. Победителю предстоит править всей Землей. Победенный станет прахом и будет навеки забыт, словно его вовсе не существовало. Наш поход решит судьбу войны. Под предводительством Эрикёзе мы вернем себе порт и провинцию Пафанааль. Но это лишь первый шаг.

Король Ригенос сделал паузу, а затем в почти абсолютной тишине, установившейся в зале, вновь разнесся его голос:

— За первой битвой вскоре последуют другие, и ненавистные Псы Зла будут уничтожены раз и навсегда. Должны погибнуть все: мужчины, женщины, даже дети. Однажды мы уже загнали элдренов в их норы в горах Печали, но сейчас надо истребить все их поганое племя! Пусть лишь память о них ненадолго уцелеет, чтобы напоминать нам о том, что такое зло.

Все еще стоя на коленях, я поднял обе руки над головой и сжал кулаки.

— Эрикёзе, — провозгласил король Ригенос. — Ты, чья бессмертная воля помогла тебе воплотиться вновь и явиться к нам в этот час нужды, ты станешь оружием, которым мы сокрушим элдренов! Ты станешь серпом, которым человечество пожнет элдренов, словно сорную траву. Ты станешь заступом, которым человечество выколет их корни. Ты станешь костром, на котором человечество превратит их в пепел. Ты, Эрикёзе, станешь ветром, который унесет этот пепел прочь, словно элдренов и не было на свете! Ты уничтожишь элдренов!

— Я уничтожу элдренов! — выкрикнул я, и мой голос эхом разнесся по залу, как клич гневного бога. — Я уничтожу врагов человечества! Воздев меч Канаяну,

я обрушусь на них с ненавистью, беспощадностью и жаждой отмщения в сердце и сотру элдренов с лица земли!

За моей спиной раздался тысячеголосый рев:

— **МЫ СОТРЕМ ЭЛДРЕНОВ С ЛИЦА ЗЕМЛИ!**

Король поднял голову. Его глаза сверкали, а губы были плотно сжаты.

— Клянитесь! — приказал он.

Ненависть и ярость, переполнявшие зал, кружили головы.

— *Клянемся!* — прокричали мы. — *Мы уничтожим элдренов!*

Ненависть пылала в глазах короля, заставляла дрожать его голос:

— Так ступайте же, Паладины Человечества. *Ступайте и уничтожьте элдренскую пададь! Очистите нашу планету от элдренской чумы!*

Мы вскочили на ноги, все как один, проорали боевой клич, развернулись и строем промаршировали из зала и из дворца в шум толпы снаружи. Собравшиеся приветствовали нас радостными криками.

Наша великолепная процессия маршем спускалась вниз по извилистым улочкам Некраналья. Светило солнце, ярко сверкая на оружии и доспехах, толпа бушевала, на ветру развевались разноцветные знамена.

И я шагал впереди. Я, Эрикёзе, Бессмертный, Воитель, Несущий Отмщение, — я вел их. Мои руки были вскинуты вверх, словно я уже праздновал победу. Сердце переполняла гордость. Я знал вкус славы и наслаждался им. Вот жизнь, которую стоило прожить, — жизнь воина, предводителя могучих армий, мастера клинка.

Мы спускались все дальше, к реке, к ожидавшим нас кораблям. Внезапно мне вспомнилась песня — слова архаичного наречия, предшествовавшему тому языку, на котором я говорил сейчас. Я запел, и воины, идущие следом за мной, тут же подхватили мотив. Застучали барабаны, затрубили фанфары, и мы всю глотку заорали приветственный гимн крови, смертоубийству и великой алой жатве, ожидавшей нас на полях Мернадина.

Вот так мы и шли. Так мы чувствовали.

Не судите меня, пока я не расскажу, что случилось потом.

Мы добрались до того места, где река расширялась. Там располагалась гавань и стояли наши суда. Пятьдесят кораблей выстроились у причалов по обе стороны реки. На них развевались пятьдесят флагов полусотни гордых паладинов.

И здесь было только пятьдесят — весь флот ждал нас в порту Нуноса. Нуноса, Города Самоцветных Башен.

На берегах реки толпились жители Некраналья. Они непрерывно скандировали приветствие, но мы постепенно свыклись с шумом. Так люди привыкают к шуму прибоя, до того, что перестают его замечать.

Я оглядел суда. На палубах виднелись богато украшенные надстройки. На каждом из кораблей было по несколько мачт. Разноцветные паруса пока что не развернули, но весла уже вставили в уключины и опустили в спокойные

воды реки. На скамьях сидели мускулистые гребцы, по трое на каждое весло. Они были, насколько я мог разглядеть, не рабами, а свободными воинами.

Во главе флотилии покачивался величественный королевский флагман — огромный военный корабль, восьмидесятивесельный, с восемью высокими мачтами. Его борта были выкрашены черным, красным и золотым, палубы — багрянцем, паруса — темно-синим, желтым и оранжевым, а гигантская носовая фигура, изображавшая богиню с мечом в вытянутых руках, отсвечивала серебряным и алым. Роскошные палубные каюты поблескивали свежим лаком, нанесенным поверх красочной росписи с героями древности (среди них я заметил и себя, хотя сходство было сомнительным) и древними триумфами человеческой расы, со сказочными животными, демонами и богами.

Оставив позади основные силы, маршировавшие по набережной, я взошел на украшенный коврами трап и поднялся на борт флагмана. Навстречу мне с приветствиями устремились моряки.

Один из них сказал:

— Принцесса Иолинда ожидает вас в центральной каюте, ваша светлость.

Я уже шагнул к дверям, но остановился на секунду, чтобы полюбоваться изяществом сооружения. Заметив на стене собственный портрет, я чуть улыбнулся. Затем, протиснувшись в довольно низкий дверной проем, я вошел в каюту. Ее пол, стены и потолок целиком покрывали плотные ковры с темно-красным, черным и золотым рисунком. Комнату освещали свисавшие с потолка лампы, а в тени стояла моя Иолинда. На ней было простое платье и легкий темный плащик.

— Я не хотела вмешиваться в утренние сборы, — проговорила принцесса. — Отец сказал, что это очень важно и что у вас нет времени. Вот и я подумала, что ты не захочешь меня видеть.

Я улыбнулся.

— Ты по-прежнему не доверяешь мне, Иолинда? Не веришь, когда я признаюсь тебе в любви и говорю, что готов на все ради тебя?

Шагнув к девушке, я крепко ее обнял.

— Я люблю тебя, Иолинда. И буду любить всегда.

— И я буду любить тебя до конца моих дней. Пускай тебе суждена вечная жизнь, но...

— Это еще неизвестно, — мягко перебил ее я. — А уж неуязвимым меня точно не назовешь, Иолинда. Я заработал достаточно синяков и царапин во время тренировок с мечом, чтобы это понять!

— Ты не умрешь, Эрикёзе.

— Мне бы твою уверенность.

— Не смейся надо мной, Эрикёзе. Не смей смотреть на меня свысока!

— Я не смеюсь над тобой, Иолинда. И не смотрю свысока. Я просто говорю правду. И ты тоже должна взглянуть правде в глаза. Понимаешь, должна.

— Хорошо, — ответила она. — Взгляну. Но я чувствую, что ты не умрешь. Да, у меня бывают странные предчувствия — мне кажется, нас ждет что-то хуже смерти.

— Естественно, что ты боишься, но эти страхи ни на чем не основаны. Ну, выше нос, дорогая! Посмотри на мои чудесные доспехи, на мой могучий меч, на грозное войско, которым я командую.

— Поцелуй меня, Эрикёзе.

И я поцеловал ее. Наш поцелуй был долгим, очень долгим, — а затем принцесса вырвалась у меня из рук и убежала из каюты.

Я устался на дверь. Мне хотелось броситься за Иолиндой и успокоить ее, но я знал, что это невозможно. У ее страхов не было реального основания — только вечное чувство неуверенности и уязвимости. Я пообещал себе, что позже развею эти опасения. Я докажу ей, что бояться нечего, стану ее опорой, научу доверять.

Вновь зазвучали фанфары. На борт поднимался король Ригенос.

Пару секунд спустя король вошел в каюту, на ходу снимая корону со шлемом. Каторн следовал за ним со своей обычной мрачной миной.

— Народ, похоже, воодушевился, — заметил я. — Думаю, церемония произвела желаемый эффект, король Ригенос.

Тот устало кивнул:

— Да.

Торжества явно отняли у монарха много сил. Он тяжело опустился на кресло в углу и велел принести вина.

— Мы скоро отплываем, — сказал Ригенос. — Когда, Каторн?

— В ближайшие четверть часа, мой повелитель.

Взяв у раба кувшин, капитан наполнил королевский кубок, даже не подумав предложить вина мне.

Ригенос махнул рукой.

— Не хотите ли вина, лорд Эрикёзе?

Я отказался.

— Вы очень пламенно говорили там, в зале, король, — сказал я. — Вы пробудили в наших душах жажду крови.

Каторн фыркнул.

— Будем надеяться, до встречи с врагом она не угаснет. В этом походе полно новобранцев. Половина и не нюхала настоящего боя, а половина из них — зеленые мальчишки. Я слышал, в некоторые части набирали даже женщин.

— Похоже, вы не слишком радужно настроены, лорд Каторн, — вставил я.

— А мне и не до веселья, — проворчал он. — Весь этот блеск и помпа сойдут для того, чтобы порадовать простолюдинов, но вам нужно трезво смотреть на вещи. Вам следует понимать это, Эрикёзе. Вам должно быть известно, что такое настоящая война: боль, страх и смерть. И ничего больше.

— Вы забываете, — возразил я, — что моя память о прошлом затуманена.

Каторн хмыкнул и залпом проглотил свое вино. Затем, грохнув кубок на поднос, он сказал:

— Я прослежу за отплытием, — и вышел.

Король откашлялся.

— Вы с Каторном... — начал он и осекся. — Вы...

— Мы не ладим, — сказал я. — Мне не нравятся его угрюмость и подозрительность, а он думает, что я мошенник, предатель и шпион.

Ригенос кивнул:

— Он мне на это намекал.

Отхлебнув вина, король продолжил:

— Я сказал ему, что собственными глазами видел вашу материализацию, что вы, несомненно, Эрикёзе и нет ни малейшей причины не доверять вам, — но он стоит на своем. Как думаете, почему? Ведь Каторн разумный, трезво мыслящий воин.

— Он ревнует, — предположил я. — Ведь я отобрал у него власть.

— Но он, как и все мы, согласен, что нам необходим новый вождь, способный вдохновить солдат на бой с элдренами!

— Может, и так, — ответил я и пожал плечами. — Но это не имеет значения, король Ригенос. Полагаю, нам удалось найти общий язык.

Однако король думал о своем.

— Но, возможно, — пробормотал он, — это не имеет никакого отношения к войне.

— О чем вы?

Ригенос прямо взглянул на меня.

— Возможно, тут речь идет о любви, Эрикёзе. Каторн всегда был неравнодушен к Иолинде.

— Похоже на то. Но, опять же, тут я ничего поделать не могу. Иолинда, по всей видимости, предпочитает мое общество.

— Быть может, Каторну кажется, что моя дочь увлеклась воображаемым идеалом, а не реальным человеком.

— А вам так не кажется?

— Не знаю. Я не говорил об этом с Иолиндой.

— Ну что ж, — заметил я, — увидим, когда вернемся.

— *Если* вернемся, — отозвался Ригенос. — В этом, следует признать, я согласен с Каторном. Чрезмерная самоуверенность часто ведет к поражению.

Я кивнул:

— Возможно, вы правы.

Снаружи раздались крики команд. Корабль резко качнулся — это отдавали швартовы и поднимали якоря.

— Пойдемте, — сказал король Ригенос. — Покажемся на палубе. От нас этого ждут.

Он поспешно допил вино и вновь водрузил на голову шлем с короной. Вместе мы вышли из каюты. Стоило нам появиться на палубе, как шум на набережной стал громче.

Мы стояли, махая провожающим. Барабаны начали выбивать медленный ритм для гребцов. И тут я увидел сидевшую в экипаже Иолинду. Она повернулась в нашу сторону, наблюдая за отплытием. Я замахал ей, и она подняла руку в последнем прощальном жесте.

— До встречи, Иолинда, — пробормотал я.

Каторн, проходивший мимо, саркастически покосился на меня и отправился дальше следить за гребцами.

До встречи, Иолинда.

Ветер утих. Я отчаянно потел в своих доспехах, потому что в безоблачном небе пылало беспощадно жаркое солнце.

Стоя на корме раскачивающегося судна, я продолжал махать рукой, не сводя глаз с Иолинды. Та выпрямилась в экипаже и провожала нас взглядом, пока мы не свернули за излучину реки. Теперь позади виднелись лишь башни Некраналя и слышался отдаленный шум толпы.

Мы быстро двинулись вниз по течению, направляясь к Нуносу, Городу Самоцветных Башен, и к нашему флоту.

Глава девятая

В НУНОСЕ

О эти кровавые и бесчеловечные войны...

— *Послушайте, епископ, вы отказываетесь понять, что все противоречия между людьми разрешаются действиями...*

Неубедительные аргументы, бессмысленные мотивы, цинизм, прикидывающийся практичностью.

— *Почему бы тебе не отдохнуть, сын мой?*

— *Как я могу отдыхать, отец, когда орды язычников уже вышли к Дунаю?*

— *Мир...*

— *А они хотят заключить перемирие?*

— *Возможно.*

— *Они не остановятся на Вьетнаме. Не остановятся, пока не завладеют всей Азией... а затем и всем миром.*

— *Мы не звери.*

— *Но мы должны действовать как звери. Они действуют именно так.*

— *Но если мы попытаемся...*

— *Мы уже пытались.*

— *В самом деле?*

— *Пожар побеждают огнем.*

— *Неужели нет другого пути?*

— *Другого пути нет.*

— *Но дети...*

— *Другого пути нет.*

Винтовка. Меч. Бомба. Лук. Вибропистолет. Огненное копье. Секира. Дубина.

— *Другого пути нет.*

В ту ночь на борту флагмана я плохо спал. Поднимались и опускались весла, мерно стучали барабаны, скрипело дерево, и волны плескались о борт. Во сне мне являлись обрывки разговоров. Фразы. Образы. Они ворочались в моем усталом мозгу, не желая оставить меня в покое. Тысяча разных исторических эпох. Миллион разных лиц. Но ситуация все время была одной и той же. Суть спора — на тысяче разных наречий — не менялась.

Лишь когда я встал с койки, в голове прояснилось. Я решил выйти на палубу.

Что я за существо? Почему я был обречен вечно скитаться из эпохи в эпоху, все время разыгрывая одну и ту же роль? Что за фокус — что за шутку вселенских масштабов — сыграли со мной?

Лицо охлаждал ночной ветерок, а лунные лучи пробивались сквозь тучи через равные промежутки, словно спицы гигантского колеса — как будто колесница некоего бога провалилась сквозь облачный слой и завязла в плотном воздухе ниже.

Я уставился на воду, следя за отражениями облаков и за тем, как тучи расходятся, обнажая луну. Ту же самую луну, что светила Джону Дейкеру. Она все так же равнодушно следила за безумствами созданий, населявших планету, вокруг которой ей приходилось вращаться. Сколько несчастий успела она повидать на своем веку? Сколько бессмысленных крестовых походов? Сколько войн, сражений и убийств?

Прореха в тучах вновь затянулась, и воды реки почернели — словно подтверждая, что мне никогда не найти ответа на мучившие меня вопросы.

Я повернулся к берегу, заросшему густым лесом. Верхушки деревьев темнели на фоне чуть более светлого неба. Изредка слышались крики ночных животных. В них мне чудились одиночество, страх, тоска. Вздохнув, я облокотился о поручень и принялся следить за тем, как весла взбивают речную воду в серую пену.

Лучше бы мне смириться с тем, что снова придется сражаться. Снова? Но где я сражался прежде? Что означали мои смутные воспоминания? Какой смысл таился в моих снах? Простой и прагматичный ответ (или, по крайней мере, наиболее понятный Джону Дейкеру) заключался в том, что я спятил. Мое воображение слетело с катушек. Может, я никогда и не был Джоном Дейкером. Может, и он — очередная моя безумная фантазия.

Мне снова придется сражаться.

Вот и все, и не о чем больше тут думать. Я смирился с этой ролью и должен сыграть спектакль до конца.

Лишь когда луна села и на востоке забрезжил день, мне удалось привести свои мысли в порядок.

Я наблюдал за тем, как огромный багряный диск величественно поднимается в небо. Ему как будто хотелось поскорее понять, откуда исходят обеспокоившие его звуки — барабанная дробь и скрип весел.

— Вы не спите, лорд Эрикёзе. Как вижу, вам не терпится вступить в бой. Только острот Каторна мне не хватало для полного счастья.

— Мне захотелось полюбоваться восходом солнца, — ответил я.

— И тем, как садится луна?

В словах Каторна таился какой-то не совсем понятный мне намек.

— Похоже, вам нравится ночь, лорд Эрикёзе.

— Иногда. Ночью спокойно.

Затем я добавил со значением в голосе:

— И никто не мешает человеку оставаться наедине со своими мыслями.

— Верно. Значит, у вас есть нечто общее с нашими врагами.

Я резко развернулся и окинул его пасмурную физиономию гневным взглядом.

— Что вы имеете в виду?

— Только то, что элдрены, по слухам, тоже предпочитают ночь дню.

— Если вы не ошиблись, — ответил я, — то это очень поможет нам в войне против элдренов, потому что я смогу сражаться с ними и днем, и ночью.

— Надеюсь на это, мой господин.

— Почему вы настолько не доверяете мне, Каторн?

Капитан пожал плечами:

— Разве я сказал, что не доверяю вам? Мы ведь заключили сделку, помните?

— И я не нарушаю своего слова.

— Как и я. Я пойду за вами, не сомневайтесь. Что бы я ни подозревал, вы будете моим командиром.

— Тогда, очень вас прошу, оставьте свои мелкие шпильки. Это ребячество. Они совершенно бессмысленны.

— Вот тут вы ошибаетесь, лорд Эрикёзе. Для меня в них есть смысл. Так я облегчаю душу, никому не причиняя вреда.

— Я поклялся служить человечеству, — сказал я ему. — И я буду сражаться за короля Ригеноса. Мне и без того нелегко, Каторн.

— Глубоко вам сочувствую.

Я отвернулся, осознав, что чуть не поставил себя в дурацкое положение. Не хватало мне еще просить Каторна о снисхождении, жалуясь на собственные заботы.

— Благодарю, лорд Каторн, — холодно ответил я.

Корабль свернул за очередную излучину, и мне показалось, что впереди замаячило море.

— Спасибо за понимание.

Тут я хлопнул себя по щеке. Судно как раз проходило через рой мошкар, нависший над водой.

— Какие надоедливые насекомые.

— Возможно, вам лучше удалиться, лорд Эрикёзе, чтобы избежать их домогательств, — заметил Каторн.

— Думаю, вы правы. Пожалуй, спущусь вниз.

— Доброго вам утра, мой господин.

— И вам доброго утра, лорд Каторн.

Он остался стоять на палубе, мрачно глядя вперед.

«В других обстоятельствах, — подумалось мне, — я бы его прикончил».

Хотя, судя по развитию событий, это Каторн собирался приложить все усилия, чтобы прикончить меня. Возможно, Ригенос не ошибался, и у Каторна было целых две причины завидовать мне — моя воинская слава и благосклонность ко мне Иолинды.

В каюте я умылся и облачился в доспехи, постаравшись избавиться от всех этих никчемных мыслей. Немного позже я услышал крик кормчего и вышел на палубу, чтобы посмотреть, что происходит.

Впереди показался Нунос. Мы все столпились у поручней, чтобы взглянуть на этот чудесный город. Блеск башен чуть не ослепил нас — они и правду были инкрустированы драгоценными камнями. Город так и сверкал: его окутывало яркое белое сияние, усыпанное сотней разноцветных искр, от зеленого и фиолетового до розовато-лилового, охряного и красного. Все они переливались в ослепительном свечении, порожденном миллионами самоцветов.

А за Нуносом раскинулось спокойное море, сверкающее под солнцем.

По мере приближения к Нуносу русло реки расширялось, пока не стало ясно, что здесь она впадает в океан. Берега все отдалялись. Мы держались поближе к правому, потому что там стоял Нунос. Лесистые холмы, окружавшие речное устье, были усеяны другими городками и деревеньками. Некоторые из них показались мне живописными, но над всем довлела гавань, к которой мы подходили.

Над мачтами заорали чайки. Хлопая крыльями, они расселись по стенам и затеяли свару, сражаясь за лучшее место среди такелажа.

Весла поднимались все медленней. Подойдя к порту, мы начали табанить. Вся горделивая флотилия, двигавшаяся за нами, встала на якорь. Ее суда должны были присоединиться к нам позже, когда лоцман определит для них места стоянки.

Мы оставили позади товарищей и медленно вплыли в гавань Нуноса, подняв знамя короля Ригеноса и мой собственный штандарт — серебряный меч на черном поле.

Вновь раздались приветственные крики. Горожане, удерживаемые солдатами в стеганых кожаных доспехах, вытягивали шеи, чтобы разглядеть нашу высадку. Стоило мне спуститься по трапу и ступить на набережную, как в толпе принялись нараспев повторять одно и то же слово. Когда я понял, какое, это неприятно поразило меня.

«ЭРИКЁЗЕ! ЭРИКЁЗЕ! ЭРИКЁЗЕ!»

Я вскинул правую руку в салюте и чуть не споткнулся, когда толпа оглушительно взревела. Шум все нарастал, казалось, барабанные перепонки сейчас лопнут. Я едва удержался от того, чтобы заткнуть уши!

Принц Бладах, правитель Нуноса, приветствовал нас с должной торжественностью и даже прочел речь, которую не было слышно за криками. Затем почетный эскорт повел нас туда, где нам предстояло жить во время краткой стоянки в городе.

Вблизи самоцветные башни были столь же прекрасны, хотя и резко контрастировали с домами, не так высоко вознесенными над землей. По большей части жилища горожан смахивали на лачуги. Становилось вполне понятно, откуда взялись деньги, чтобы инкрустировать башни рубинами, жемчугом и изумрудами.

В Некранале я не замечал особой разницы между богатыми и бедными. То ли новые впечатления слишком захватили меня, то ли в столице постарались приукрасить кварталы бедноты, если такие вообще существовали.

А здесь я видел людей в лохмотьях, чье присутствие вполне сочеталось с лачугами. Правда, они радовались не менее шумно, чем остальные, и кричали едва ли не громче. Возможно, бедняки винили элдренов в своих напастях.

Принцу Бладаху, желтолицему, с длинными вислыми усами и бледными водянистыми глазами, было на вид лет сорок пять. Манерами он напоминал сердитую и привередливую хищную птицу. Меня ничуть не удивило, когда оказалось, что Бладах не собирается присоединиться к нашей экспедиции, а останется в тылу, чтобы «защищать город» — точнее, как мне подумалось, собственные богатства.

— Ах, мой повелитель, — проскрипел он, когда мы добрались до дворца и усеянные самоцветами ворота распахнулись перед нами (они блестели бы куда ярче, если бы кто-нибудь позаботился их отмыть). — Ах, мой дворец в полном вашем распоряжении, король Ригенос. И, конечно же, в вашем тоже, лорд Эрикёзе. Все, что вы пожелаете.

— Горячей еды, и попроще, — сказал Ригенос, вторя моим собственным мыслям. — Никаких пиров. Я предупреждал тебя, Бладах, — обойдемся без лишней помпы.

Наша трапеза действительно оказалась *простой*, хотя и не слишком хорошо приготовленной. Мы откушали с принцем Бладахом, его толстой и глуповатой супругой, принцессой Ионанте, и двумя их тощими отпрысками. В глубине души меня позабавил яркий контраст между великолепием Нуноса и внешностью, да и домашним бытом, его правителя.

Чуть позже на совет с Ригеносом и со мной прибыли военачальники, уже несколько недель дожидавшиеся нас в городе. С ними пришел и Каторн, сумевший очень кратко и четко описать план битвы, разработанный нами в Некранале.

Среди собравшихся было несколько знаменитых героев Двух Континентов: граф Ролдеро, дородный аристократ в доспехах, ничем не украшенных, как

и мои; принц Малихар и его брат, герцог Эзак, участвовавшие во многих походах; ярл Шанура из Каракоа, одной из самых дальних и варварских провинций. У Шануры были длинные волосы, заплетенные в три свисавшие по спине косы, а его бледное острое лицо расчертили многочисленные шрамы. Говорил он редко и обычно задавал конкретные вопросы. Поначалу меня удивило такое разнообразие нарядов и лиц. «По крайней мере, — саркастически подумал я, — в этом мире человечество объединилось, чего нельзя сказать о той Земле, которую оставил позади Джон Дейкер». Но, может, они объединились лишь сейчас, для борьбы с общим врагом. «А после победы, — продолжал размышлять я, — их союз, по всей видимости, долго не протянет». Ярл Шанура, к примеру, безо всякого энтузиазма подчинялся приказам Ригеноса. Скорей всего, он считал короля слабаком.

Мне оставалось лишь надеяться, что в грядущих битвах я сумею удержать эту разношерстную группу от ссор.

Наконец мы покончили с обсуждением, и я перекинулся парой слов с каждым из командиров. Король Ригенос тем временем поглядывал на бронзовые часы, стоявшие на столе. Их циферблат был разделен на шестнадцать частей.

— Скоро нам пора отплывать, — объявил он.

— Все ли корабли готовы?

— Мои дожидаются уже несколько месяцев, — проворчал ярл Шанура. — Мне казалось, они сгниют, прежде чем смогут вступить в бой.

Остальные сошлись на том, что их суда готовы отплыть в течение часа или около того.

Мы с Ригеносом поблагодарили Бладаху и его семейство за гостеприимство. Похоже, наш отъезд их весьма порадовал.

Вместо того чтобы двинуться обратно маршем, мы расселись по экипажам, быстро добрались до набережной и поднялись на борт кораблей. Королевский флагман звался «Йолинда» — на что раньше я не обратил внимания, поскольку голова моя была полна мыслей о женщине, носившей это имя. Остальные корабли, прибывшие из Некранала, уже стояли в порту. Моряки, воспользовавшись короткой передышкой, выпивали и перекусывали, а рабы грузили последние запасы продовольствия и оружие.

Мое настроение все еще оставалось слегка подавленным после странных видений прошлой ночи, но хандра начала рассеиваться, сменяясь радостным предвкушением. Нам еще предстояло целый месяц плыть до Мернадина, но я уже наслаждался предчувствием боя. По крайней мере, это поможет мне забыть о других тревогах. Мне вспомнилось то, что Пьер сказал Андрею в «Войне и мире», — как все мужчины находят собственный способ забыть о смерти. Кто-то ухлестывает за женщинами, кто-то увлекается азартными играми, кто-то пьет — а кто-то, как это ни парадоксально, идет на войну. Хотя вообще-то меня беспокоила отнюдь не грядущая кончина, а как раз наоборот — меня грызла мысль о вечном существовании. О вечной жизни, проходящей в бесконечных битвах.

Узнаю ли я когда-нибудь правду? Я сомневался, что мне этого хочется. Правда пугала меня. Может, такая жизнь пришлось бы по вкусу божеству. Но я не был богом. Я оставался просто человеком и знал, что я всего лишь человек. Я видел, что все мои заботы, мои амбиции и чувства — человеческие, не считая одного докучливого вопроса: как я сумел воплотиться в этом теле, как я стал таким, как сейчас? Или, может, я и вправду жил вечно? Может, мое существование не имело ни начала, ни конца? Сама природа времени начала вызывать у меня сомнения. Оно уже не казалось мне линейным, как в бытность Джоном Дейкером. Я больше не воспринимал время в пространственных категориях.

С этими вопросами мне следовало обратиться к философу, магу или ученому. Или попросту забыть об этом. Но способен ли я забыть? Придется по крайней мере попытаться.

Чайки взвились и заорали, когда паруса развернулись, наполняясь горячим ветром. Заскрипела обшивка. Якорные канаты поползли вверх, на пристани отдали швартовы, и огромный флагман по имени «Йолинда» направился к выходу из гавани. Весла все так же поднимались и опускались, но теперь, выйдя в открытое море, корабль поплыл быстрее.

Глава десятая

ПЕРВАЯ ВСТРЕЧА С ЭЛДРЕНАМИ

Наш флот был огромен. Он включал в себя крупные боевые суда самых разных видов. Некоторые из них Джон Дейкер отнес бы к чайным клиперам девятнадцатого века, другие походили на джонки, третьи — на средиземноморские корабли с латинскими парусами, четвертые очень напоминали елизаветинские каравеллы. Суда из разных провинций шли отдельными флотилиями. Мне подумалось, что они символизируют все многообразие и единство человечества. Я гордился ими.

Возбужденные, взволнованные, настороженные и уверенные в победе, мы плыли к Пафанаалу — воротам Мернадина и нашего грядущего завоевания.

Но мне все еще хотелось побольше узнать об элдренах. Из прошлой жизни Эрикёзе у меня сохранились лишь смутные воспоминания о беспорядочных сражениях с ними и, кажется, о какой-то душевной боли. Вот и все. Я слышал, что у них нет зрачков и что это их основное отличие от людей. Также говорили, что они нечеловечески прекрасны, нечеловечески беспощадны и их сексуальные аппетиты намного превосходят людские. Они отличались более высоким, чем у обычных людей, ростом, удлинённой формой черепа, резкими скулами и чуть раскосыми глазами. Но эти сведения я счел недостаточными. На Двух Континентах невозможно было отыскать ни одного изображения элдренов. Считалось, что их образы приносят несчастье, особенно если художник осмеливался нарисовать «дурные» глаза элдренов.

Во время нашего плавания между кораблями поддерживалась непрерывная связь: командиры подплывали на шлюпках к флагану или перемещались между судами по канатам, в зависимости от погоды. Мы выработали базовую стратегию и план действий на случай непредвиденных обстоятельств. Идея принадлежала мне, и для остальных командиров она оказалась новой, — однако вскоре те согласились, что такой план необходим, и обговорили все детали. Каждый день воинов тренировали на случай появления флота элдренов — если, конечно, он собирался появиться. Если нет, мы решили отправить часть судов прямо к Пафанаалу и начать атаку на город. И все же основной план кампании строился на предположении, что элдрены вышлют свои боевые суда на перехват до того, как наш флот достигнет Пафанаала.

Мы с Каторном старались избегать друг друга. В первые дни плавания словесные дуэли вроде тех, что происходили между нами в Некранале и на реке, прекратились. Я держался с Каторном как можно вежливей, когда приходилось общаться по военным делам, и он, в своей угрюмой манере, тоже был вежлив со мной. Король Ригенос облегченно вздохнул и сказал мне, что рад нашему примирению. На самом деле, конечно, мы и не думали мириться. Мы просто отложили разногласия до того момента, когда сможем раз и навсегда разрешить этот спор. Я знал, что в конце концов мне придется сразиться с Каторном и что он попытается убить меня.

Из полководцев больше всех по душе мне пришелся граф Ролдеро из Сталако, хотя он становился самым кровожадным, когда речь заходила об элдренах. Джон Дейкер назвал бы Ролдеро реакционером, но, пожалуй, и ему бы граф понравился. Старый воин был верным, стойким и честным союзником, всегда прямо говорил о том, что у него на уме, и не затыкал рот другим, ожидая от них такой же терпимости. Когда я однажды сказал графу, что тот смотрит на мир слишком упрощенно, разделяя все на черное и белое, он устало улыбнулся и ответил:

— Эрикёзе, друг мой, когда вы увидите то, что я успел повидать за свою жизнь на нашей чудной планете, мир и вам покажется черно-белым. Людей можно судить только по их поступкам, а не по речам. Люди действуют во благо или во зло, и те, кто совершает большое зло, — плохи, а те, кто совершает великое добро, — хороши.

— Но люди могут случайно совершить великое добро, хотя намерения их были злы, — и, напротив, люди с благими намерениями порой творят ужасное зло, — ответил я.

Меня немало позабавило его убеждение, что он прожил дольше меня и подал больше, — хотя, полагаю, граф просто пошутил.

— Точно! — воскликнул Ролдеро. — Вы всего лишь подтвердили мои слова. Я уже говорил: мне плевать, что там люди болтают о своих намерениях. Я сужу только по результатам. Возьмем, к примеру, элдренов...

Я со смехом поднял руку.

— Я знаю, какие они злодеи. Все уже успели рассказать мне об их хитрости, подлости и черном колдовстве.

— Похоже, вам кажется, будто я имею что-то персонально против элдренов. Но это не так. Насколько мне известно, они могут быть добры к своим детям, любить своих жен и хорошо обращаться с животными. Я не утверждаю, что каждый из них — чудовище. Но мы должны рассматривать их как общую силу. Их следует судить по поступкам. И наше отношение к ним должно основываться на той угрозе, которую представляют их притязания.

— И что же вы скажете об этой общей силе? — спросил я.

— Они не люди, следовательно, их интересы не совпадают с человеческими. Значит, во имя собственной безопасности они должны уничтожить нас. А если так, то элдрены угрожают нам одним своим существованием. И мы угрожаем им, по той же причине. Они понимают это и стремятся стереть нас с лица земли. Но и мы тоже понимаем, и поэтому постараемся истребить прежде, чем они доберутся до нас. Согласны?

Этот аргумент показался достаточно убедительным прагматику, которым я привык себя считать. Но тут мне в голову пришла одна мысль, и я поспешил ее озвучить:

— Не забыли ли вы кое о чем, граф Ролдеро? Вы ведь сами говорили: элдрены *не* люди. Но при этом предполагаете, что интересы у них вполне человеческие.

— Они состоят из плоти и крови, — ответил граф. — Они животные, так же как и мы. В них, как и в нас, сильны звериные инстинкты.

— Но многие виды животных ухитряются мирно сосуществовать друг с другом, — напомнил я ему. — Львы не всегда враждуют с леопардами, лошади не охотятся на коров. Да и своих сородичей они убивают нечасто, даже в самых критических ситуациях.

— Убивали бы, — ничуть не смутившись, ответил Ролдеро. — Убивали бы, если бы умели предвидеть события. Убивали бы, если бы могли рассчитать, с какой скоростью будут размножаться их соперники, сколько им потребуется пищи и территорий.

Тут я сдался. Кажется, мы оба ступили на скользкую почву. Мы сидели в моей каюте, глядя в открытый иллюминатор на спокойное море и прекрасное закатное небо. Я подлил графу Ролдеро еще вина из своих истощившихся запасов (у меня появилась привычка основательно прикладываться к бутылке перед сном, чтобы видения и воспоминания не мешали отдыху).

Граф залпом опорожнил кубок и встал.

— Уже поздно. Мне надо вернуться на свой корабль, а то команда решит, что я потонул, и устроит праздник. Я вижу, у вас кончается вино. В следующий раз принесу пару бурдюков. Прощайте, друг мой Эрикёзе. Я уверен, что вы хороший человек. Только слишком уж сентиментальны, как бы вы ни отнекивались.

Я ухмыльнулся и поднял свой наполовину опустевший кубок.

— Доброй ночи, Ролдеро. Давайте выпьем за то, чтобы после окончания этого похода наступил мир!

Ролдеро фыркнул:

— Ага, мир — как между коровами и лошадьми! Доброй ночи, друг мой.

И он со смехом вышел из каюты.

С пьяной неуклюжестью я разделся и плюхнулся на койку, глупо посмеиваясь над последними словами Ролдеро.

— Как между коровами и лошадьми. А ведь он прав. Кому нужна такая жизнь? За войну!

Я вышвырнул кубок в распахнутый иллюминатор и захрапел, кажется, прежде чем успел закрыть глаза.

И мне приснился сон.

Во сне я увидел выброшенный кубок. Он раскачивался на волнах, поблескивая золотом и драгоценными камнями. Затем течение подхватило его и унесло далеко от флота — туда, куда никогда не заплывают корабли, где нет земли и где он вечно будет болтаться в бесконечном, угрюмом море.

Весь месяц нашего плавания море оставалось спокойным, ветер ровным и погода в целом благоприятной.

Это еще больше воодушевило нас и показалось добрым знаком. Все пребывало в отличном расположении духа. Конечно, если не считать Каторна — тот непрерывно ворчал, что это спокойствие перед бурей и что нам следует ожидать от элдренов невероятных пакостей, когда мы наконец вступим в бой.

— Они хитры, — говорил он. — Хитрые твари. Даже сейчас они уже могли проведать о нашем приближении и придумать какой-нибудь неожиданный ход. Может, и погода — дело их рук.

В ответ я откровенно расхохотался, и Каторн в гневе убрался с палубы.

— Еще посмотрите, лорд Эрикёзе! — прокричал он на прощание. — Еще увидите!

На следующий день мне представилась такая возможность.

Если верить нашим картам, мы приближались к берегам Мернадина. Мы выслали вперед дозорных, перестроились в боевые порядки, проверили оружие и легли в дрейф.

В ожидании утро тянулось медленно. Флагман покачивался на волнах впереди остальной флотилии. Паруса были взяты на рифы, весла подняты.

А затем, около полудня, дозорный на мачте прокричал в рупор:

— Корабли по курсу! Пять парусов!

Мы с королем Ригеносом и Каторном стояли на шкафуте, всматриваясь в даль. Оглянувшись на короля, я нахмурился.

— Пять кораблей? Всего пять?

Ригенос покачал головой:

— Может, это не элдрены.

— А кто еще? — проворчал Каторн. — Какие еще корабли могут встретиться в этих водах? Никто из наших купцов не станет торговать с тварями.

Тут снова послышался крик дозорного:

— Десять парусов! Двадцать! Это флот — флот элдренов! Они быстро приближаются!

Кажется, и я заметил белое пятнышко на горизонте. Может, гребень волны? Нет. Теперь я был уверен, что это парус корабля.

— Глядите, там! — сказал я, указывая на него.

Ригенос сощурился и приставил руку козырьком к глазам.

— Я ничего не вижу. Вам кажется. Они не могут идти так быстро.

Но Каторн тоже уставился вперед.

— Да! Я тоже их вижу. Парус! Вот это скорость! Клянусь чешуей морского бога, им помогает их вонючее колдовство. Иначе не объяснишь.

Короля Ригеноса это, однако, не убедило.

— Их корабли легче наших, — напомнил он Каторну, — и ветер на их стороне.

Но и Каторн стоял на своем.

— Возможно, — прорычал он. — Не исключено, что вы и правы, мой господин.

— А раньше они использовали магию? — спросил я у капитана.

Я готов был поверить всему — ведь, в конечном счете, верил же я в то, что случилось со мной!

— Еще бы, — сплонул Каторн. — Много раз. Всех сортов! Фу! Я чую, как в воздухе завоняло колдовством.

— Когда? — продолжал выспрашивать я. — И какого рода? Мне надо знать, чтобы принять ответные меры.

— Иногда эти собаки могут становиться невидимыми. Говорят, именно так они захватили Пафанааль. Они умеют ходить по воде и плыть по воздуху.

— А вы сами это видели?

— Собственными глазами — нет. Но слышал множество историй от людей, которые лгать не станут.

— А те люди испытали волшебство элдренов на себе?

— На себе — нет. Но они знают тех, кому приходилось.

— Значит, все эти рассказы о волшебстве — не больше чем слухи, — подытожил я.

— Да говорите что хотите! — взревел Каторн. — Можете не верить мне. Но разве вы сами не воплощение колдовства, разве вы не обязаны своим существованием заклинаниям? Почему, как думаете, я поддержал идею о вашем возвращении, Эрикёзе? Да потому, что понимал: нам нужна магия посильней элдренской! Этот меч у вас на поясе — что он такое, как не колдовской клинок?

Я пожал плечами.

— Ну что ж, тогда подождем и посмотрим на их магию.

Король Ригенос окликнул дозорного:

— Сколько у них кораблей?

— Примерно вдвое меньше, чем у нас, сир! — крикнул дозорный.

Рупор делал его слова неразборчивыми.

— Уж точно не больше. Думаю, это весь их флот. Я не вижу новых парусов.

— Не замечаю, чтобы они приближались к нам, — тихо сказал я королю Ригеносу. — Спросите у матроса, движутся ли они.

— Эй, дозорный, — позвал Ригенос. — Что, корабли элдренов легли в дрейф?

— Да, сир. Они уже не спешают сюда и, кажется, сворачивают паруса.

— Они ждут нас, — проворчал Каторн.

— Хотят, чтобы мы напали первыми. Значит, нам тоже надо выждать.

Я кивнул:

— Таков наш план.

И мы принялись ждать.

Солнце зашло, опустилась ночь, а на горизонте то и дело мелькали проблиски серебра — то ли волны, то ли вражеские суда. Между нашими кораблями быстро передвигались пловцы, разнося приказы.

Ожидание продолжалось. Мы забылись беспокойным сном, гадая, когда нападут элдрены и собираются ли они вообще напасть.

Пока я лежал в каюте, убеждая себя, что надо поспать и сберечь силы на завтра, на палубе слышались шаги Каторна. Ему больше всех нас не терпелось вступить в бой с врагом. Мне подумалось, что, если бы все зависело от него, мы уже сейчас ринулись бы на элдренов, пустив на ветер наши тщательно разработанные планы.

Но, к счастью, решения тут принимал я. Даже король Ригенос не мог отменить мои приказы, не считая исключительных обстоятельств.

Я лежал на койке, но заснуть не мог. Мне впервые удалось увидеть корабли элдренов, но я все еще не представлял, как они выглядят вблизи и что за команда у них на борту.

Я лежал и молился о том, чтобы сражение поскорей началось. Их флот вполтину меньше нашего! Я безрадостно улыбнулся. Улыбнулся, потому что не сомневался в нашей победе.

Когда же элдрены атакуют?

Может, даже сегодня ночью. Каторн говорил, что они любят ночь.

Ночью или днем, мне было плевать. Мне хотелось сражаться. Жажда битвы все сильнее разгоралась в моей груди. Я рвался в бой!

Глава одиннадцатая

СХВАТКА ФЛОТОВ

Прошел целый день и еще одна ночь, а флот элдренов по-прежнему маячил на горизонте.

Что было у них на уме? Надеялись измотать нас, заставить нервничать? Или их страшила мощь нашего флота? Мне подумалось, что их собственная стратегия основывалась на том, что мы первыми пойдем в атаку.

На вторую ночь мне удалось уснуть, но это не был пьяный сон, к которому я уже успел привыкнуть. Вина у меня не осталось. Графу Ролдеро так и не представился случай принести обещанный бурдюк.

Этот сон был хуже всех предыдущих.

Я видел целые миры, охваченные войной, уничтожающие себя в бессмысленных сражениях.

Я видел Землю, но Землю, лишённую Луны. Эта Земля не вращалась, и половину ее освещало солнце, а половина была погружена в вечную ночь, прорезанную лишь светом звезд. И там продолжался бой, и мне предстояла мучительная задача, почти приведшая меня к гибели. Меня звали... Кларвисом? Что-то вроде того. Я старался ухватиться за имена, но они постоянно ускользали — и, кажется, были наименее важной частью моих снов.

Я видел Землю — но снова другую Землю, настолько древнюю, что даже моря начали пересыхать. Я ехал по неприветливой местности под крошечным солнцем и размышлял о природе времени.

Я попытался удержать этот сон, или галлюцинацию, или воспоминание — не важно. Мне казалось, что в нем я смогу найти ключ к разгадке моей природы — кем я был и с чего все началось.

Другое имя — Хронарх. Но затем все исчезло. Похоже, и в этом видении было не больше смысла, чем в остальных.

Когда сон о пустыне рассеялся, я очутился в городе. Я стоял рядом с большим автомобилем и смеялся, держа в руке какой-то странный пистолет. С самолетов наверху сыпались бомбы, разрушавшие городские кварталы. Во рту я ощущал привкус упмановской сигары.

Я проснулся, но почти сразу вновь погрузился в сон.

Я шагал, обезумев от одиночества, по стальным коридорам. За их стенами была пустота. Земля осталась далеко позади. Стальная машина, внутри которой я метался, направлялась к другой звезде. Я страдал. Я непрестанно мучился мыслями о своей семье. Меня звали Джоном Дейкером? Нет, просто Джоном.

И тут, словно для того чтобы еще больше запутать меня, нахлынул поток имен. Я видел их. Я их слышал. Они были начертаны множеством разных иероглифов, пропеты на множестве языков.

Обек. Византия. Корнелиус. Колвин. Брэдбери. Лондон. Мелнибонэ. Хоукмун. Ланьис Лихо. Поусис. Марка. Элрик. Мэлдун. Дитрих. Арфлейн. Симон. Кейн. Бегг. Корум. Перссон. Райан. Асквиол. Пепин. Сьюард. Меннел. Саллоу. Холлнер. Кёльн. Карнелиан. Бастейбл. Фон Бек...

Перечисление имен все продолжалось, и продолжалось, и продолжалось.

Я пробудился с криком.

Уже наступило утро.

Весь в поту, я выбрался из постели и облился холодной водой.

Почему же бой не начинался? Почему?

Я знал, что, стоило сражению разгореться, сны оставили бы меня. Я был в этом уверен.

А затем дверь каюты распахнулась. Внутрь ввалился один из моих рабов.

— Господин...

Раздался пронзительный рев трубы. По кораблю разнесся топот бегущих ног.

— Господин, вражеские суда приближаются.

Испутив вздох облегчения, я поспешно оделся, быстро затянул пряжки на доспехах и повесил на пояс меч.

Затем я выбежал на палубу и поднялся на бак, где стоял король Ригенос, тоже облачившийся в доспехи. Выражение лица у него было мрачное.

Над всеми судами выкинули сигнальные флажки. Переключивались люди, металлическим голосом ревели трубы, грохотали барабаны.

Теперь я собственными глазами увидел, что элдренский флот приближается.

— Все наши командиры готовы, — напряженно выдохнул Ригенос. — Погляди, корабли уже выстраиваются в боевой порядок.

Я с удовольствием смотрел на то, как флот перестраивается согласно нашему многожды отрепетированному плану. Если элдрены поведут себя так, как предполагалось, победа наверняка будет за нами.

Затем я взглянул вперед, и у меня перехватило дыхание — корабли элдренов приближались с невероятной грацией, легко перескакивая с волны на волну, как дельфины.

«Но это не дельфины, — подумал я. — Если им представится возможность, они раздерут нас в клочки».

Теперь я начал понимать, почему Каторн с таким подозрением относится ко всему, что связано с элдренами. Не знай я, что передо мной враги, что они собираются уничтожить нас, так и стоял бы с разинутым ртом, завороченный их красотой.

В отличие от нашего флота, в основном состоявшего из тяжелых галеонов, там были только изящные парусники, с прозрачными парусами на тонких мачтах. Белые корпуса, белее морской пены, неслись над волнами, неудержимо надвигаясь на нас.

Я внимательно изучил их вооружение.

Пушек у них, кажется, было меньше, чем у нас. Однако их орудия, изящные и серебристые, отчего-то внушали мне безотчетный страх.

К нам присоединился Каторн. Он даже порывивал от удовольствия.

— Ну вот, — проворчал он. — Вот. Вот. Видите эти орудия, Эрикёзе? Их стоит опасаться. Тут не обошлось без колдовства, уж поверьте мне!

— Колдовство? О чем вы?

Однако Каторн успел спуститься с бака и принялся подгонять матросов, работавших с такелажом.

Я уже начал различать крошечные фигурки на палубах эдренских судов. Там мелькали нечеловеческие лица, но с такого расстояния еще трудно было разглядеть их черты. Наши противники тоже спешно готовились к бою — до сближения флотов оставались считанные минуты.

Наш флот почти закончил маневр, и флагманский корабль двинулся к отведенному ему месту.

Я сам отдал приказ лечь в дрейф, и мы закачались на волнах, поджидая противника.

Согласно плану, мы встали квадратом, слабой стороной обращенным к эдренам. Остальные три стороны были намного сильнее.

Примерно сотня кораблей выстроилась в цепочку на дальней стороне квадрата. Их борта оцетинились пушками. С остальных двух сторон тоже стояло примерно по сотне кораблей, на достаточном расстоянии друг от друга, чтобы случайно не потопить союзника. С той стороны, откуда приближались эдрены, мы выстроили куда более тонкую стену — всего двадцать пять судов. Нам хотелось создать впечатление, что все стороны квадрата равноценны, а в середине стоит флагман и его сопровождение. Для этого корабли в центре переднего ряда подняли королевские флаги. Они были приманкой. Настоящий флагман — со мной и королем на борту — временно опустил штандарты и пристроился посреди правой стороны квадрата.

Суда эдренов были все ближе и ближе. Казалось, что Каторн не ошибся: они словно летели по воздуху, а не перемещались по воде.

У меня начали потеть ладони. Проглотят ли они наживку? Оригинальность предложенного мной плана поразила наших военачальников, а это означало, что здесь подобный маневр не считался классическим трюком, как в иные эпохи человеческой истории. Если моя хитрость не сработает, Каторн окончательно потеряет ко мне доверие, и вдобавок я упаду в глазах короля, на чьей дочери надеюсь жениться.

Но сейчас уже не было смысла тревожиться об этом. И я просто наблюдал. Эдрены проглотили наживку.

Под пушечный рев эдренские корабли клином врезались в слабую преграду — и по инерции понеслись дальше, угодив в западню. Наши галеоны окружили их с трех сторон.

— Поднимайте наш флаг! — крикнул я Каторну. — Поднимайте флаг! Пусть знают, кому обязаны поражением!

Каторн отдал приказ. Первым взвился мой штандарт — серебряный меч на черном поле, — а затем королевский. Мы двинулись вперед, чтобы затянуть горловину ловушки прежде, чем эдрены обнаружат обман.

Никогда прежде я не видел таких маневренных судов, как у эдренов. Уступая размерами нашим громадам, они метались, пытаясь найти прореху в стене кораблей. Но выхода не было. Я позаботился об этом.

Пушки эдренов яростно ревели, изрыгая сгустки огня. Это, что ли, Каторн называл «колдовством»? Эдрены использовали огненные снаряды, в отличие

от наших литых ядер. Шары пламени, как кометы, носились в полуденном воздухе. На многих наших кораблях вспыхнули пожары. Пламя поднималось по мачтам, и суда стонали и трещали, поглощаемые огнем.

Снаряды элдренов были как кометы, а корабли — как сверкающие акулы.

Но эти акулы попались в прочную сеть, откуда не могли вырваться. Мы неумолимо сжимали кольцо. Наши пушки с грохотом выплевывали тяжелые железные ядра, разрывавшие белые корпуса вражеских кораблей и оставлявшие черные дымящиеся пробоины. Ядра врезались в тонкие мачты и крушили их в щепы, а прозрачные паруса падали и тускнели, как крылья умирающих мотыльков.

Наши гигантские боевые галеоны, с тяжелой, обитой медью обшивкой, с рядами огромных, пенящих воду весел, с темными разрисованными парусами, приближались, чтобы покончить с элдренами.

Вражеский флот разделился на две примерно равные части и атаковал слабейшие места — дальние углы нашей ловчей сети. Многим удалось прорваться, но мы были к этому готовы и, проделав серию удивительно четких маневров, вновь окружили их.

Теперь флот элдренов рассыпался на несколько мелких отрядов, что облегчало нашу задачу. Мы неумолимо надвигались, неся гибель врагу.

Небо затянули облака дыма, в море горели обломки судов, а воздух звенел от криков, просьб о помощи и боевых кличей, визга огненных снарядов элдренов и рева наших пушек и мортир. Лицо мое облепила черная сажа, а от жары я обливался потом.

Время от времени в дыму мелькали напряженные лица элдренов. Я поражался их красоте и вместе с тем начинал опасаться, что мы слишком самоуверенны и рано празднуем победу. Элдрены, облаченные в легкие доспехи, двигались по палубам своих кораблей грациозно, как танцоры, а их серебряные пушки безостановочно обстреливали наши суда. Там, куда попадали огненные снаряды, палубу и такелаж немедленно начинало пожирать ревущее пламя. Оно отсвечивало зеленым и голубым и, кажется, поглощало металл так же легко, как древесину.

Схватившись за поручень, я нагнулся и взгляделся в побоище, щурясь сквозь едкий дым. И тут же заметил впереди элдренский корабль, развернутый боком к нам.

— На таран! — взревел я. — Готовьтесь к тарану!

Как и у многих наших кораблей, у «Иолинды» ниже ватерлинии был обитый железом таран. Теперь нам выпал шанс испытать его в деле. Я видел, как вражеский капитан на юте отдает своим матросам приказ развернуть корабль. Но даже для вертких элдренов было слишком поздно. Мы надвинулись на судно поменьше и с грохотом, от которого «Иолинда» содрогнулась от мачт и до киля, врезались ему в борт. Застонало железо, захрустело дерево, пена взвилась до небес. Я потерял равновесие и отлетел к мачте. Поднявшись на ноги, я обнаружил, что мы раскололи элдренский корабль надвое. Это

зрелище наполнило меня ужасом и восторгом. Я даже не представлял всей мощи «Иолинды».

По обе стороны от флагмана виднелись половинки вражеского корабля. Они медленно погружались в воду. Ужас, написанный на моем лице, мог соперничать с тем, что искажал черты элдренского капитана. Тот отчаянно пытался выстоять на кренящемся юте, пока его матросы прыгали в темное кипящее море, и без того уже полное трупов и обломков кораблекрушения.

Бездна быстро поглотила хрупкий кораблик. За моей спиной раздался смех короля Ригеноса, наблюдавшего за гибелью элдренов.

Я обернулся к нему. Его изможденное лицо тоже было измазано сажей, а из-под съехавшего набок шлема дико пялились покрасневшие глаза. Король, наслаждаясь своим зловещим триумфом, продолжал хохотать.

— Отличная работа, Эрикёзе! Лучший способ разделаться с этими тварями. Вспороть им брюхо и пустить на дно, чтобы они оказались поближе к своему хозяину, Владыке Ада!

Каторн поднялся на бак. Его лицо тоже сияло.

— Хочу отдать вам должное, Эрикёзе. Вы доказали, что умеете убивать элдренов.

— Я много кого умею убивать, — тихо ответил я.

Мне стало тошно при виде их торжества. И меня восхитило достоинство, с которым принял смерть капитан элдренов.

— Я просто воспользовался представившейся возможностью, — продолжил я. — Не требуется особого ума, чтобы раздавить такой громадиной маленький кораблик.

Но времени на споры у нас не было. Наш корабль продвигался сквозь обломки устроенного им крушения. Нас окружали оранжевые языки пламени, вопли, стоны и клубы черного дыма. Дым мешал обзору во всех направлениях, так что невозможно было понять, как дела у объединенных флотов человечества.

— Нам надо выбраться отсюда на чистую воду, — сказал я. — Надо показать нашим кораблям, что мы невредимы. Отдайте приказ, Каторн.

— Слушаюсь.

И Каторн вернулся к своим обязанностям.

От рева битвы в висках начала пульсировать боль. Все слилось в одну оглушительную шумовую волну, одну невероятную стену огня, дыма и запаха мертвечины.

Однако все это было мне знакомо.

Вплоть до сего момента тактика боя оставалась для меня чем-то умозрительным — скорее игрой ума, чем интуиции. Но сейчас, похоже, старые инстинкты пробудились, и я отдавал приказы, не раздумывая.

И не сомневался, что это верные приказы. Даже Каторн не оспаривал их.

Так было и с командой таранить элдренское судно. Я не задумался ни на секунду. Возможно, к лучшему.

Весла с силой ударили о воду, и «Иолинда» оставила позади самые плотные дымовые клубы. Фанфары и барабаны известили о ее появлении другие корабли. Когда мы выплыли на относительно чистое пространство, без дыма и обломков, с ближайших судов донеслись радостные крики.

Несколько наших кораблей начали охотиться на отбившихся от стаи элдренских акул, закидывая на борт абордажные крючья. Крюки свирепо впились в белые поручни, разрывали сияющие паруса, вгрызались в плоть моряков, отрывая руки и ноги. Огромные боевые суда подтаскивали к себе корабли элдренов, как китобои подтаскивают полумертвую добычу.

С палубы на палубу начали перелетать стрелы. Лучники, цепляясь за снасти, старались поразить противников. Дротики стучали о дерево или пронзали доспехи бойцов, людей и элдренов, швыряя их на палубные доски. Все еще рокотали пушки, но это уже не был прежний непрерывный грохот. Сейчас слышались отдельные выстрелы, смешавшиеся со звоном мечей и криками солдат, вступивших в рукопашную.

Едкие венчики дымных цветов все еще распускались над взбаламученным морем. Когда наконец завеса рассеялась и я смог взглянуть на зеленую, усеянную обломками воду, то увидел, что пена утратила свою белизну. Она стала алой. Море покраснело от крови.

Пока наш корабль пробивался вперед, чтобы соединиться с остальными, мертвые лица глядели на меня из воды. Среди них были и люди, и элдрены, но объединяло их одно — в глазах всех мертвецов я видел немой укор.

Спустя какое-то время я понял, что не в силах смотреть на них.

Глава двенадцатая

НАРУШЕННОЕ ПЕРЕМИРИЕ

Мы протаранили еще два корабля, а на «Иолинде» почти не было царапин. Она левиафаном раздвигала побоище, словно уверенная в собственной неуязвимости.

Первым его заметил король Ригенос. Сощурившись, он ткнул пальцем сквозь дым. Рот короля казался кровавой раной на закопченном лице.

— Там? Вы видите, Эрикёзе? Вон там!

Впереди я увидел величественное элдренское судно, но так и не понял, почему оно привлекло внимание короля.

— Это флагман элдренов, Эрикёзе! — воскликнул Ригенос. — Может, их главнокомандующий на борту. Если этот проклятый служитель Азмобааны действительно там и если мы сможем его уничтожить, тогда победа и в самом деле у нас в кармане. Молитесь, чтобы на этом корабле оказался принц элдренов, Эрикёзе!

Из-за спины раздался рык Каторна:

— Мне бы хотелось самолично его порешить.

В кольчужных рукавицах он держал тяжелый арбалет и поглаживал его ложе так, как другой человек мог бы поглаживать любимого котенка.

— Ах, только бы принц Арджевах был там! Только бы он был там, — кроважно прошипел Ригенос.

Стараясь не обращать на них внимания, я выкрикнул приказ готовить абордажные крючья.

Казалось, что удача все еще на нашей стороне. Волна приподняла наше огромное судно, и мы сверху обрушились на флагман элдренов, ударив его в борт и развернув в наилучшую позицию для абордажа. Железные когти взвились и зацепились за толстые канаты, запутались в такелаже, вонзились в палубу и в поручни.

Теперь элдренский корабль был привязан к нам. Мы прильнули к нему, как влюбленный, обнимающий свою суженую.

Губы невольно изогнулись в торжествующей ухмылке. Я почувствовал сладкий вкус победы — сладчайший из всех возможных. Я, Эрикёзе, сделал знак рабу — он подбежал и протер мне лицо влажной тряпицей. Я горделиво выпрямился на мостике. За моим правым плечом стоял король Ригенос, за левым — Каторн. Внезапно я ощутил узы товарищества, объединявшие нас. С чувством превосходства я взглянул на палубу вражеского корабля. Элдренские бойцы были на пределе сил. Тем не менее они стояли в полной боевой готовности, натянув луки, сжав в побелевших пальцах мечи и поднимая щиты. Противники молча наблюдали за нами, не пытаясь перерезать веревки. Они ждали нашего хода.

Когда два флагманских корабля сцепляются вот так, бою всегда предшествует пауза. Это дает возможность командирам враждующих сторон вступить в переговоры и, если оба они согласны, заключить перемирие и обсудить его условия.

Вот и сейчас король Ригенос, подойдя к поручням, обратился к элдренам с высоты нашей палубы. Те смотрели на него снизу вверх слезящимися глазами — несмотря на все различия, дым мешал им не меньше, чем нам.

— Я король Ригенос, — выкрикнул он, — а рядом со мной Воитель Человечества, бессмертный Эрикёзе, который вернулся, чтобы покончить с вами. Мы желаем говорить с вашим командиром на обычных условиях перемирия.

Из-под холщового навеса на юте вышел высокий мужчина. Сквозь клубы дыма я разглядел его острое лицо, обтянутое золотистой кожей, и глаза, словно подернутые молочной пленкой с голубыми пятнышками, угрюмо глядевшие из-под покатога лба. Станный, мелодичный голос пронесся над волнами:

— Я герцог Бейнан, командующий флотом элдренов. Мы не станем выслушивать все ваши мудреные условия, но если вы сейчас позволите нам уплыть, то мы прекратим бой.

Ригенос улыбнулся в ответ на его слова, а Каторн фыркнул:

— Как благородно! Мерзавец знает, что обречен.

Тут король хмыкнул и вновь обратился к элдренскому командующему:

— Ваше предложение кажется мне немного наивным, герцог Бейнан. Бейнан устало пожал плечами.

— Тогда давайте покончим с этим, — вздохнул он.

Он вскинул руку в перчатке, давая знак своим лучникам спустить тетивы.

— Пстой! — выкрикнул Ригенос. — Есть и другой способ, если хочешь спасти своих людей.

Бейнан медленно опустил руку.

— Какой же? — недоверчиво спросил он.

— Если твой хозяин, принц Арджевах, на борту флагмана — где ему и полагается быть, — пусть он выйдет и сразится с лордом Эрикёзе, Воителем Человечества, — сказал король, сделав широкий жест. — Если Арджевах победит, мы отпустим вас с миром. А если победа достанется Эрикёзе, вы сдадитесь в плен.

Герцог Бейнан скрестил руки на груди.

— Вынужден сказать вам, что принц Арджевах не смог вовремя добраться до Пафанаала, чтобы отправиться в плавание с нами. Он на западе — в Лус Птокай.

Король Ригенос развернулся к Каторну и тихо приказал:

— Убей его.

Между тем герцог Бейнан продолжил:

— Однако я готов сразиться с вашим воителем, если...

— Нет! — крикнул я Каторну. — Остановись! Король Ригенос, это бесчестно — у нас заключено перемирие.

— Когда речь идет об уничтожении паразитов, Эрикёзе, о чести говорить бессмысленно. Скоро вы это поймете. Убей его, Каторн!

Герцог Бейнан нахмурился, прислушиваясь к нашей приглушенной перепалке и пытаясь разобрать слова.

— Я сражусь с вашим Эрикёзе, — повторил он. — Договорились?

Тут Каторн вскинул арбалет. Болт свистнул над водой. Элдрен тихо ахнул — наконецник пронзил его горло.

Герцог Бейнан вскинул руки к дрожащему дереву. Его странные глаза помутнели, и он рухнул на палубу.

Меня привел в ярость предательский поступок того, кто сам столь часто твердил о подлости врагов. Но сейчас было не время протестовать — стрелы элдренов уже свистели у нас над головами, и мне следовало организовать оборону и возглавить абордажную команду, чтобы сразиться с преданными нами противниками.

Я схватился за болтающийся конец веревки, обнажил свой сияющий меч и вскричал, несмотря на кипящую в груди ярость:

— За человечество! Смерть Псам Зла!

Я пронесся по жаркому, хлеставшему по лицу воздуху и спрыгнул на палубу, в самую гущу вражеских воинов. Следом за мной, завывая, спешили другие воины человечества.

А затем завязался бой.

Мои сторонники старались держаться от меня подальше, потому что меч рассекал бледную плоть элдренов, убивая всех, кто получал хоть легчайшую царапину. Многие элдрены приняли смерть от меча Канаяны, но я не испытывал привычного боевого азарта. Меня все еще злило вероломство людей, а для такой бойни не требовалось никакого мастерства. Дух элдренов явно подкосила смерть их вождя, к тому же они были полумертвыми от усталости, хотя сражались храбро.

Я недооценил численность команды этого хрупкого судна. Воины с удлинненными черепами, даже зная, что прикосновение моего меча смертельно, бросались на меня с отчаянной, дикой отвагой.

Многие из них дрались топорами на длинных древках, нанося удары из-за пределов досягаемости моего клинка. Меч Канаяна был не острее обычного оружия, и, хотя я бил по древкам, из-под клинка летели лишь щепки. Мне приходилось постоянно уворачиваться и делать выпады из-под свистящих над головой секир.

Молодой золотоволосый элдрен прыгнул на меня, взмахнув топором. Лезвие ударило по наплечнику, опрокинув меня на палубу.

Я перекатился, отчаянно пытаюсь встать на ноги и скользя по залитым кровью доскам. Топор упал вновь, ударив по нагруднику и вышибив из меня дух. Ухитрившись подняться на корточки, я поднырнул под клинок и перерубил воину запястье.

Он тихо всхлипнул, застонал и умер. «Отрава», сидевшая в мече, вновь сделала свое дело. Я не понимал, как можно отравить металл, но в эффективности этого яда не было сомнений. Я выпрямился, преодолевая боль во всем разбитом теле, и посмотрел на лежавшего у моих ног юного элдренского храбреца. А затем огляделся.

Мы побеждали. Последние яростно сопротивлявшиеся противники сгруппировались на главной палубе, встав спина к спине вокруг своего знамени — серебряного василиска Мернадина на алом поле.

Я, спотыкаясь, двинулся туда. Элдрены сражались до последнего. Они понимали, что от людей им пощады не видать.

Я остановился. Наши бойцы не нуждались в моей помощи. Вложив меч в ножны, я смотрел на то, как солдаты всей массой накинудись на элдренов. Жестоко израненные, те бились до самой смерти.

На палубах двух сцепившихся кораблей воцарилась странная тишина, хотя в отдалении все еще слышалась пушечная канонада.

И тут Каторн, возглавлявший последнюю атаку на элдренов, сорвал их знамя с древка и бросил на окровавленную палубу. Он принялся неистово топтать флаг, пока тот весь не пропитался кровью и рисунок на нем не стал неразличим.

— Так сгинут все элдрены! — с диким торжеством завопил капитан. — Все! Все! Все!

Затем он направился в трюм, чтобы полюбоваться на наши трофеи.

Вновь наступило молчание. Клубы дыма начали рассеиваться и тонкой кисеей повисли высоко в небе, заслоняя солнце.

Захватив их флагман, мы одержали победу в сегодняшней битве. В плен не взяли ни одного из элдренов. Было видно, как вдали победоносные солдаты человечества поджигают вражеские корабли. Похоже, ни одному судну противника не удалось спастись — ни один парус не спешил скрыться за горизонтом. Многие наши корабли затонули, многие пожирало пламя. Оба флота растянулись на гигантское расстояние, а сам океан был покрыт таким плотным слоем обломков и тел, что, казалось, оставшиеся на плаву корабли вязли в нем.

У меня и вправду возникло странное чувство, будто я угодил в ловушку. Хотелось как можно скорей выбраться отсюда. Меня душил запах смерти. Не в такой битве желал я сразиться, не такую славу добыть.

Каторн вылез из трюма с довольной ухмылкой на закопченном лице.

— Как погляжу, ты вернулся с пустыми руками, — сказал я. — Чему же ты так радуешься?

Он вытер губы.

— Герцог Бейнан прихватил с собой свою дочурку.

— Она еще жива?

— Уже нет.

Я содрогнулся.

Каторн вытянул шею и огляделся.

— Отлично. Мы с ними покончили. Я отдам приказ поджечь оставшиеся суда.

— С какой стати швыряться трофеями? — изумился я. — Мы можем использовать их, чтобы заменить потерянные нами корабли.

— Плавать на этих проклятых посудинах? Никогда, — скривившись, ответил он и, подойдя к поручню, велел своим воинам возвращаться на наш флагман.

Я неохотно последовал за ним, то и дело оглядываясь через плечо туда, где все еще лежал труп обманутого герцога Бейнана с арбалетным болтом в тонкой шее.

Перебравшись через поручни «Иолинды», я велел забрать те абордажные крючья, что удастся вытащить, и обрубить остальные.

Меня приветствовал король Ригенос. В схватке на палубе он не участвовал.

— Вы отлично справились, Эрикёзе. Думается, вы могли бы захватить этот корабль в одиночку.

— Мог бы, — ответил я. — Как и весь их флот.

Король рассмеялся.

— Самоуверенности вам не занимать. Весь флот!

— Да. У меня была такая возможность.

Ригенос нахмурился.

— О чем вы говорите?

— Если бы вы позволили мне сразиться с герцогом Бейнаном — как он и предлагал, — нам удалось бы спасти множество жизней и кораблей. Жизней наших бойцов. И наших кораблей.

— Неужели вы ему поверили? Элдрены всегда пытаются пойти на хитрость. Стоило вам принять его предложение и ступить на палубу их корабля, как вас бы тут же утыкали стрелами. Послушайте меня, Эрикёзе: не поддавайтесь на их уловки. Наши предки обманулись однажды — и посмотрите, в каком плачевном положении мы оказались теперь.

Я пожал плечами:

— Может, вы и правы.

— Конечно, я прав.

Отвернувшись, король крикнул матросам:

— Подожгите их корабль! Спалите эту колдовскую элдренскую лоханку!

И пошевеливайтесь, бездельники!

Похоже, он пребывал в отличном настроении. Просто в превосходном.

Я смотрел на то, как пылающие стрелы вонзились в кипы горючих материалов, оставленных в ключевых точках элдренского корабля.

Изящное судно вскоре занялось. Тела убитых загорелись, и к небу столбом повалил маслянистый дым. Корабль медленно дрейфовал прочь. Его серебристые пушки были словно морды растерзанных зверей, а блестящие паруса огненными лентами осыпались на уже заплывавшую палубу. Внезапно флагман элдренов содрогнулся, словно испуская последний вздох.

— Всадите пару ядер пониже ватерлинии, — прокричал Каторн пушкарям. — Надо удостовериться, что эта посуда потонула раз и навсегда.

Наша бронзовая пушка рявкнула, и ядро врезалось в элдренский корабль, пробив обшивку и выкинув вверх фонтан воды.

Флагман начал крениться, но, казалось, все еще старался держаться прямо. Он плыл все медленней и медленней и все глубже погружался в воду, пока совсем не остановился. А затем в один миг исчез в пучине.

Я подумал об элдренском герцоге. И о его дочери.

И что-то во мне откликнулось завистью на эту мысль. Они познают вечный покой, а мне суждены лишь бесконечные битвы.

Наш флот снова начал выстраиваться.

Мы потеряли тридцать восемь больших кораблей и сто десять судов поменьше.

Но от элдренского флота ничего не осталось.

Ничего, кроме пылающих остовов, медленно погружающихся в воду у нас за кормой, пока мы, преисполненные жажды битвы, плыли к Пафанаалу.